

Ирина Бова

Ангелочек

Хочу в СССР?

Ирина Бова

Ангелочек

«Деловой двор»

2020

УДК 82-94
ББК 84-9

Бова И.

Ангелочек / И. Бова — «Деловой двор», 2020 — (Хочу в СССР?)

ISBN 978-5-91550-264-0

Новая книга Ирины Бова – это галерея новых и ярких образов, драма и юмор жизненных историй. Герои ее рассказов, как и сам автор с противоречивой судьбой, живут в Ленинграде. А дух времени всегда накладывает свой неповторимый отпечаток на все – и на семейные разговоры, и на любовные страдания, и даже на встречи с друзьями на кухне. Если хотите попасть в то «ленинградское» время, так неожиданно ставшее прошлым, и заглянуть в «ленинградскую» жизнь, – просто откройте книгу. «Чудеса не валятся на голову любому из нас, как манна небесная. Их надо заслужить и заработать. Даже Золушке ничего не досталось даром: принц был ее наградой, а не подарком или авансом». И. Бова

УДК 82-94
ББК 84-9

ISBN 978-5-91550-264-0

© Бова И., 2020
© Деловой двор, 2020

Содержание

Веселая музыка	5
Большие надежды	10
Американская трагедия	16
Ангелочек	18
Гнусная история любви	20
Ангел-хранитель	22
В доме у мадам Ландрин	29
Дети драматурга Отто	33
Джентльмены живут только в Англии	36
Диверсия	38
Домкратов меч	40
Дурная слава	43
Если что...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Бова

Ангелочек

Веселая музыка

Будущая свекровь приехала с инспекцией в октябре. Все прекрасно понимали ее желание посмотреть на невесту и семью, в которую вливается ее ненаглядный сын.

Симочке она сразу понравилась, а вот Симочка ей, похоже, не очень. По крайней мере, по дороге из аэропорта до дому Джалита Спиридоновна не произнесла ни слова. Но переступив порог, она вдруг вспомнила про то, что прилетела из теплого Киева в ненастный по-осеннему Ленинград, – все время ежилась и говорила только о погоде. Срочно закрыли все форточки и предложили госте теплый плед. Когда сели за стол, Симочкин папа бодрым голосом пообещал, что после рюмочки и сытного обеда станет совсем жарко.

Ела свекровь без всякого аппетита, что очень расстроило маму, которая простояла у плиты полдня, но зато стала разговаривать. В основном, ее интересовало, почему сын не выслал родителям ни одной фотографии своей избранницы.

– Мама, но ты же просила какой-нибудь снимок, где Симочка серьезная, а она везде смеется, – принялся оправдываться Алексей.

– И это плохо, – высказала свое мнение Джалита Спиридоновна, – придется найти, мне нужно будет мужу показать.

– Кстати, – вступила Симочкина мама, до сих пор молчавшая, – а муж не смог с вами приехать?

Свекровь многозначительно подняла глаза к потолку и проинформировала:

– Муж в небе.

– Папа – руководитель полетов в Борисполе, – неуклюже попытался расшифровать загадочную фразу сын.

– Но ведь руководят-то с земли, – удивился папа.

– Не всегда, – пожала плечами свекровь и сделала свой вывод: – вы просто не хотите фото давать.

– Ну почему же, – смутилась мама, – я найду.

– Не надо.

– Вы же только что хотели...

– А я и так все поняла, – с неожиданной неприязнью вдруг заявила свекровь. – Не надо мне ничего, и так видно, что ваша Симочка похожа на албанку.

– На кого?!

– На албанку, – подтвердила Джалита Спиридоновна свою версию.

– Мама, а где ты албанцев видела? – с изумлением поинтересовался Леша.

И все замерли в ожидании объяснений, потому что хоть в СССР и было «каждой твари по паре», но албанцев никто и никогда в глаза не видел. Паузу нарушила сама гостья.

– Ладно, бог с ней, с фотографией, давайте лучше о приданом поговорим.

– О чем? – хором спросили все сидевшие за столом.

– О том, что вы даете за Симочкой. У меня, например, собрано постельное белье, набор посуды, две хрустальные вазы, мясорубка...

Она хотела еще продолжить список, но козырная карта в виде мясорубки окончательно положила конец мирной беседе. Мама стала доказывать, что в их доме, где будут жить молодые, есть абсолютно все, папа начал объяснять, что никакого приданого для девочки в восемнадцать

лет они и не предполагали готовить, а Леша сказал: «Я срочно звоню отцу». Пока несчастный жених из коридора звонил в Киев, страсти в гостиной разгорались не на шутку.

– Муж тут ни причем, – уверенно сказала Джалита Спиридоновна и встряхнула совершенно седой копной волос.

– Вам виднее, – язвительно откликнулась Симочкина мама и предложила, не останавливаясь на достигнутом, продолжить претензии. – Можете даже список составить.

Папа погладил ее под столом по руке и попытался разрядить обстановку.

– А хотите я вам материалы к нашему фильму покажу? Интереснейшая лента получается, и как раз про летчиков, правда, про военных.

– Вы не отвлекайтесь, – остановила его порывы свекровь, – потом покажете, когда стоворимся. Значит, приданого у девочки нет, а вот книг полный дом – ясно, на что деньги идут.

– Да! – заносчиво сказала мама. – Мы еще и на театры деньги тратим.

– Вот-вот! Надо Лешiku попроще семью выбирать и позажиточней.

Тут уже хотел взорваться папа, но вернулся довольный Алексей с сообщением, что отец прибудет в самое ближайшее время. Все удивились, но промолчали, а свекровь сжалась и как будто стала меньше в размерах. Симочка уже хотела включить телевизор – для разрядки обстановки, но не успела, поскольку бурные звонки в дверь оповестили, что прибыл глава киевского семейства. Он вошел, остановился в дверях комнаты, даже не сняв форменной темно-синей шинели, и широко улыбаясь объявил:

– Здравствуйте, родные! Я такой голодный... Покормите?

Симочкины родители сразу засуетились, а Алексей побежал в прихожую за тапочками, но нужного размера не оказалось: старший Берест имел огромный размер ноги. Впрочем, и сам он весь производил впечатление богатыря из русской народной сказки. За столом ел с нескрываемым удовольствием и просил налить ему борщ в салатницу, чтоб не пришлось бегать за добавкой. Утолив первый голод, он решил начать разговор.

– Во-первых, спасибо за угощение, можно сказать, спасли от голодной смерти. А то Лешка так орал в трубку «SOS», что я сорвался на перекладных и чаю даже не попил. Готовит хозяйюшка отменно, повезло сыну. Ты, Симочка, учись у мамы.

И спросил:

– А курить где можно?

– Эх, – откликнулся папа, – здесь и можно. Моя Генечка тоже курит, а я вот так и не научился.

– Совсем? – удивился свекор. – И на войне не курили?

– На войне как раз курил, а вот в Берлине взял и бросил.

– Так вы до Берлина дошли?

– Так если б это конец... Я потом до Венгрии дотопал с 3-м Украинским фронтом, операторы везде были нужны. А вы, Алексей Прокофьевич?

– Нет, Берлин и Рейхстаг – конечный пункт. Я там в составе 150-й Идрицкой дивизии довоевал.

– Минуточку, – сказал изумленный Симочкин папа, – я-то все думаю, кого вы мне напоминаете! Вы же Лешка Берест, на чьих плечах Егоров стоял, когда знамя поднять надо было!

– Ну да, – согласился гость, – я и есть: Мишка-то Егоров ростом не вышел, да и Кантария раньше него наверх залез – шустрый был, как обезьяна. А вы там снимали? Крутился парнишка с камерой, я только фамилию не запомнил.

– Надо же... Через столько лет и по такому поводу...

– Повод отличный! Еще один вопрос и потом только про свадьбу. Ни с кем связи не поддерживаете?

– Да нет, не сложилось. А вы?

– А я с Мелитоном перезваниваюсь изредка. Знаете, кто у нас теперь Кантария? Не поверите, торгашом в Москве осел.

– И квартиру дали? А чего ж по телефону, а не в письмах общаетесь?

– Да ну, – отмахнулся Берест, – не квартира, а живопырка. А о переписке и разговора быть не может: у него ж образования четыре класса. Ладно, давай за боевое прошлое еще по рюмочке и о свадьбе будем сговариваться.

– Уже сговаривались, – вклинилась мама, – мы вам не подходим.

– Это кто же так решил?

– Джалита Спиридоновна.

– А вы не слушайте, – предложил Берест, – она просто с дороги устала.

Только мама уже завелась и, прикурив, сообщила и о порочном изобилии книг, и о мясорубке, и о схожести Симочки с албанкой. Свекровь сморщила носик.

– Так вы еще и курите? Может, невеста нашего сына тоже?

Евгения Михайловна не успела ответить.

– Детки, нечего вам здесь сидеть, – скомандовал свекор. – Идите, что ли, погуляйте.

И как только молодая пара покинула комнату, обратился к жене:

– Ты, Литя, не командуй, кому курить, а кому не курить, – не дома. А вот насчет албанки я хотел бы напомнить, что кое-кому впору в цыганском театре «Ромэн» выступать.

Джалита Спиридоновна сверкнула глазами, дав понять, что так этого не пропустит, и чтобы уж не быть совсем безгласной, решила добавить к своему списку еще одну претензию.

– И назвали вы девочку странно!

– Почему странно? – мирно отреагировал папа.

– Как Целиковскую в фильме «Антон Иванович сердится». Очень ей подходит, ведь наша Симочка тоже в оперетте будет петь.

– Вот-вот, – мстительно подтвердила свекровь, – нравы там известные.

Алексей Прокофьевич только махнул рукой и вернулся к теме, которая волновала всех.

– Гулять где будем, в ресторане? Какой тут самый лучший?

– Думаю, надо в Метрополе столы заказывать, – предложила Евгения Михайловна.

– Да, пожалуй, – поддержал папа, – для съемки я со своими договорюсь.

– Твои – это кто? – заинтересовался свекор.

– Мои – это Ленфильм, документалисты.

– Ого! – одобрил Берест. – А музыка какая? Или молодежь под магнитофон плясать будет?

– Ансамбль закажем.

– Если заминка какая, то у меня и своя музыка есть, трофейная, аккордеон Horch. Классная штука, доложусь вам. Из самой фашистской избушки на себе пер, и ни царапинки! А звук – заслушаешься! Мне хозяин кпеіре подарил, и кружку еще, на ней что-то готическим шрифтом написано, перевести не могу.

– Перепиши, Генечка переведет, она немецкий хорошо знает.

– Да я привезу вместе с аккордеоном, сами посмотрите. Гостей-то много будет?

– Много, – сказала Евгения Михайловна, – у нас родственники.

– Только, чур, все пополам.

Джалита Спиридоновна опять сверкнула глазами.

На следующий день с утра покупали кольца, а вечером родители Леши скандалили, запершись в кухне. Долетали только некоторые фразы: «ты так бы по проволоке и ходила в своем таборе», «деньги зарабатываю я». И уже голосом свекрови: «понятно, очередная юбка замаячила». Еще через день семья Берестов уехала обратно в Киев. Папа переживал, что так и не поговорили про военные годы, а мама утешала, что успеют еще, жизнь длинная. В декабре отпраздновали громкую свадьбу с фатой, оркестром, тостами и аккордеоном Horch. Из близ-

ких семьи жениха не было никого, кроме родителей, и Алексей был расстроен этим обстоятельством, так как рассчитывал на приезд хотя бы бабушки с дедушкой из Сумской области. Жить молодые стали у Симочкиных родителей, что позволило им обоим доучиться без академических отпусков, несмотря на то что через два года один за другим родились сыновья. В Киев ездили исправно каждый год, чтобы навестить старших Берестов, но всегда расставались с ними в плохом настроении.

– Не понимаю, – говорила Симочка, – зачем мы таскаем мальчишек с собой, если они твоей маме не нужны?

– Папе нужны, – парировал муж, – ты же видишь, как он с ними возится.

– Вот пусть папа к нам сам и приезжает, – заключала Симочка.

И как в воду смотрела...

На десятилетнюю годовщину свадьбы появился Берест-старший с подарками и сообщением о том, что Джалита Спиридоновна скрылась в неизвестном направлении, прихватив из квартиры все что было можно и нельзя.

– Как?! – изумилась Евгения Михайловна. – Вы же столько лет прожили, внуки уже!

– Как видите, ее это не остановило, – развел руками брошенный муж. – Может, надо было, как Мелитон?

– А что Мелитон? – заинтересовался Симочкин папа.

– Да у него сразу две семьи было в одной квартире, прямо гарем! И дети от обеих в таком количестве, что запутаться можно.

– Это ты брось! Хочешь, поживи пока у нас, – предложил щедрый папа.

– У вас-не у вас, но в Ленинград точно перееду. Я ж с работы ушел... Или «ушли». Времена-то какие! Союз рушится, жить не на что стало, какие-то бритоголовые по улицам бегают с дубинками. Может, у вас не так?

– У нас то же самое, – с грустью сказала Евгения Михайловна, – да еще талоны на еду ввели. Я сразу войну вспомнила...

– Ну вот, еще и талоны, а я ж прописан в Киеве. Нет, дорогие родственники, спасибо за приглашение, но я на шею к вам садиться не намерен. Погощу немного.

Алексей Прокофьевич стал вытаскивать из объемистого чемодана сало, тушки кроликов и канистры с вином.

– Проживем?

– Еще как! – подтвердил Симочкин папа.

Самое примечательное в жизни разросшейся семьи было то, что Берест каждый день выходил «прогуляться по городу» и при этом задерживался допоздна. С собой он непременно брал сверкающий перламутром Norch – говорил, что с с аккордеоном веселее. Все верили, но тем не менее это казалось странным. Деньги у свекра не кончались, что тоже настораживало. Алексей даже пытался вывести, не продал ли отец киевскую квартиру, на что получил мощный отпор.

– Да что ты все ко мне пристаешь?! Сдал я ее на полгода, а деньги вперед получил!

Это, конечно, в какой-то мере объясняло необыкновенности в поведении Береста и мирило с ними. Во всем остальном совместное бытие не приносило никаких отрицательных эмоций, даже наоборот: папа приобрел собеседника, мама – лишний повод подкрасить губы, а Леша с Симочкой – заботливую няньку для детей.

Но ничто не бывает вечным, ни плохое, ни хорошее.

В разгар июня Алексей Прокофьевич пропал. Домой позвонили из Института скорой помощи. В больницу примчались всей семьей, – благо, мальчишки находились в спортивном лагере.

Берест лежал в небольшой палате, где от духоты, казалось, застыл воздух. Переломанные руки и окровавленная повязка на голове, говорить он не мог из-за сломанной челюсти.

– Вот, – сказала врач, совсем молоденькая девушка, – полюбуйтесь на своего трубадура: играл и пел в переходе у Гостиного двора.

– Так за это разве бьют? – еле слышно спросила Симочка.

– Рэкетеры бьют за все, а ваш папа не хотел за место платить.

Алексей Прокофьевич попытался что-то прошептать, и Леша, наклонившись к нему, услышал:

– Horch...

Большие надежды (совсем не Диккенс)

Прогулка между старинными домами, иногда даже охраняемыми государством, вносила в душу Альберта Пыжикова отдохновение и тихую радость. На лице блуждала благодатная улыбка, но голова в это время напряженно работала: шел поиск выхода из создавшегося тупикового положения. Нет, оно не было безвыходным, Альберт знал это твердо. Просто надо сообразить, куда вовремя свернуть, чтоб не упереться в глухую стену.

Он остался без работы. Временно. Конечно, временно! Надо только придумать, чем бы таким заняться, чтобы в кармане снова появились деньги, и не жалкая сотня долларов, а деньги, без которых невозможно ощущать себя ни личностью, ни мужчиной.

Сначала Пыжиков слонялся по Таврическому саду, вспоминая пионерское детство. Раньше при входе с Потемкинской была галерея портретов пионеров-героев, которые, ясное дело, ничем хорошим свою жизнь не закончили. Их имена учили наизусть, и каждый школьник знал биографии Володи Дубинина и Юты Бондаровской. Маленький Алик тогда уже понимал, что патриотизм – это красиво, но большой пользы не приносит.

Сейчас малолетних героев убрали куда-то в запасники, а может, и вовсе на дрова порубали. А посреди аллеи стоит, как и стоял, товарищ Ленин, только сейчас он почему-то на треть розовый. На постаменте масляной краской выведена крупная цифра «6». Инвентаризация, что ли, была? Он заинтересовался и прошел вглубь сада, посмотреть, под каким номером по описи прошел памятник Есенину. Когда добрался до белоснежного поэта, оказалось, что того не сосчитали. Зато ногти великого «деревенщика» были окрашены ядовито-красным цветом: вниманием все-таки не обошли.

В размерах Таврический, кажется, поуменьшился и стал слишком упорядоченным. Нет уже тенистых уголков и заброшенных, стоящих в стороне скамеек. Да что удивляться, если даже Летний сад превратили в регулярную зону для прогулок! Все меняется, все меняют, стремясь к некоему совершенству и исторической правде, а на самом деле все только портят.

Из самого сада он пошел в оранжерею. Тут тоже радости мало: ровно посередине стоит толстенная пальма, за которую ухватилась еще более толстенная невеста в обгрызенной фате, хохочет-заливается! А рядом тощий плюгавенький женишок с огромной бабочкой на мускулистой шее пьет шампанское и фальцетом подхихикивает.

От этой радостной картины Пыжикову стало совсем тошно и он зашел в булочную напротив (к товарам по назначению там прилагался еще и винно-водочный отдел), взял бутылку грузинского коньяка и вернулся в сад через те же самые ворота. Хотел сначала выпить с Лениным, но постеснялся: дети вокруг, да и частично розовый вождь с номерным знаком вызывал некоторую жалость. Продрался сквозь кусты к Сергею Александровичу и присел на скамеечку рядом. Вскрыв коньяк отпил сразу треть и закурил. Нет, надо было угостить, конечно, вождя социалистической революции, все-таки именно он помог заработать ему исходный капитал. Сам Владимир Ильич об этом вряд ли подозревал, но начинался великий денежный путь Альберта Пыжикова, тогда еще студента первого курса Ленинградского художественного училища им. В. А. Серова, именно с него.

Ловким движением пера переправив в студенческом единицу на четыре, гордый собою Алик целиком посвятил летние каникулы идейному облагораживанию сельских клубов, красных уголков и колхозных правлений. По заведенному порядку в таких помещениях на самом видном месте должен был висеть портрет Ульянова-Ленина. Это строго проверялось и, если не висело, пресекалось. Потому-то заезжий «ленинградский художник» Пыжиков везде был

желанным гостем. Чем больше портретов вождя, тем ярче слава колхоза и тем выше заработок охамевшего от своей безнаказанности Алика.

Вождя он ваял в почти барельефном изображении на липовых досках, которые чуть подкрасив, выдавал за ясеневые – текстура примитивная, но в два раза дороже. Сельскому начальству нравилось.

После второго курса Пыжиков направил свои стопы туда, где Ильич должен был иметь черты, схожие с коренным населением: или узкоглазый, или широкоскулый, или с густыми бровями – в зависимости от республики, в которой творил молодой предприниматель. Денег заработал на вполне безбедную жизнь и стал внедряться в интеграционные процессы. Купит в Витебске партию цветных телевизоров «Радуга» – продаст в Вильнюсе, подьегорит несколько ящиков модных подсвечников в Таллине – сбросит в Горьком. Эх, Советский Союз с вечным своим дефицитом, нет тебе ни конца ни края!

Но ушла в небытие власть Советов. Алик некоторое время пытался спекулировать на изображениях текущих вождей, но оказалось, что это дохлый номер. Переключился на матрешек – рынок быстро переполнился, а сдавать товар по демпинговым ценам не имело смысла. Денежные запасы иссякали быстро, тем более что правительство заимело дурную привычку устраивать денежные реформы и выходить из дефолта за счет него, Пыжикова.

Обуреваемый разного рода тревожными мыслями, Альберт посмотрел с сожалением на допитую бутылку, подмигнул Есенину и покинув Таврический сад зашагал в сторону Суворовского проспекта. В голове, как часы, отстукивала мысль о том, что вот сейчас... вот здесь... что-то неуловимое... Он поднял глаза и увидел огромный капитальный дом сталинской постройки. Мысль сразу приняла определенные очертания, а в ушах зазвенели победные фанфары. Нашел!

Побеседовав со старушками во дворе об их житье-бытье и выразив полную сопричастность к тому, что их волновало и тревожило, начиная с опасений за внуков и заканчивая опасениями за мировую стабильность, Алик разжился координатами управдома и техника-смотрителя. Обе должности занимали женщины. Пыжиков приосанился: дамы – это он быстро обтяпает. Главное, чтоб глаз горел и комплиментов побольше и поцветистее.

Начал с техника-смотрителя. К его счастью, та оказалась полной дурой, но еще и с претензиями на аристократичность. Звали ее Надюшка, так и представилась. Надо же, Надюшка! Плотненькая, коротенькая, сильно накрашенная, запахнутая в лисью безрукавку, сшитую из кусков различного размера. Сразу стала рассказывать, кто за ней ухаживает.

– Отец у него – полный генерал!

– Так он заинтересовался вами? – Альберт кроил из себя дурака и тарашил глаза, якобы от восхищения.

– Ну это если бы я захотела... Подумаешь, генералов мы не видали, – нагло заявила техник-смотритель. – Я сына выбрала, он моложе.

– Тоже генерал? – интимным голосом поинтересовался Пыжиков.

– Да нет, – отмахнулась девушка, – он адвокат.

– Тоже полный? – не сдержался Альберт.

– Полными бывают только генералы, полковники, ну и там еще... Вот я в прошлом году отдыхала в Приозерском санатории...

Далее последовал рассказ о фееричном отпуске среди офицерской элиты, о том, как ее носили на руках, поили шампанским и замуж звали. Алик вполуха слушал эту трескотню, прекрасно понимая, что в пригородных санаториях отдыхают только отставники, которые пьют кефир, а уж если б кто из них решил взгромоздить на себя эту тушку, то дело закончилось бы никак не ЗАГСом, а реанимацией. На сообщении о том, что она скоро будет адвокатской женой и хозяйкой пятикомнатной квартиры, он решил, что с него хватит и пора брать быка за рога.

– Так может, выпьем шампанского?

– Я на работе, – неуверенно возразила Надюшка.

– Ну вы же тут босс, – польстил Алик, – а бокал легкого вина совсем не помешает.

И повел ошалевшую девицу в гастроном напротив.

Как только они переступили порог магазина, Надюшка неожиданно закапризничала.

– Не хочу шампанского! Вот пива я бы выпила, оно не такое пьяное. Сворачивайте влево, там в розлив продают!

«Ну и слава богу, – подумал Пыжиков, – дешевле обойдешься». И поторопился.

Девица основательно уселась на широкий подоконник и стала оттуда давать указания Альберту, продавщице и небольшой очереди у прилавка.

– Сразу по две больших берите! Нет-нет, мне только светлого! Любаша, «семерочку» открой и водочкой в кружке разбавь. Пополам. А ты куда, рожа немытая, лезешь? Пропусти моего кавалера, не переломишься. Альберт, вы ждите, Любаша сейчас нам коктейль сделает! Эй, ты! Тебе говорю, хайло со щетиной, вали в сторону! Любаша, и закусочку какую-нибудь сочини!

Видно было, что она тут свой человек.

Через полчаса, проведенные на подоконнике, Пыжиков пришел к выводу, что с великим имажинистом пилось куда как веселее, – по крайней мере, Есенин молчал. Еще через час он понял, что эту «шапку Мономаха» ему не снести. А когда Надюшка послала его за пустыми бутылками, громоздившимися на ее кухне, восторжествовал: дело сделано! Со списком жильцов, сдающих квартиры в аренду, и неумолкающим шумом в голове Альберт расстался с техником-смотрителем и даже домой не проводил, сдал на руки продавщице – правда, по просьбе клиента.

Половина проблем была решена. Во-первых, не надо бежать к управдому, что уже хорошо. А то вдруг она тоже убогая алкашка? Во-вторых, можно начинать поквартирный обход, – значит, с деньгами будет нормально. Алик воспрял духом. Те кто снимают жилье, как правило, люди приезжие, сиречь пуганные и бесправные, это ему на руку – стопроцентная гарантия, что никто никуда жаловаться не побежит. В этом и была вся фишка.

На следующий день, одевшись строго и безлико, Пыжиков наведлся в первую квартиру по списку. Шел, что называется, огородами, опасаясь встретить Надюшку: она, в своей клокастой жилетке, мерещилась ему за каждым углом. Но пронесло, бог миловал.

Двери ему открыл странного вида мужчина. Припомаженные усыки, набриолиненные волосы и замшевый, розового цвета, костюм. Принял, как старого друга, и тут же стал звать отобедать.

– Не стоит беспокоиться, – сразу отрезал Альберт, – я по серьезному делу.

– Вот и замечательно, – обрадовался замшевый, – у меня жена прекрасно готовит, за столом и поговорим.

– Говорить будем здесь.

Несмотря на решительный протест «официального лица», жилец выволок в прихожую не только жену, но еще и двух детей младшего школьного возраста. Одеты все были более чем удивительно: рюши, прозрачные воланы, жабо и кокилье. Пыжикову показалось, что он попал на маскарад, не хватало только полумасок с вуалью.

– Вы, наверное, собрались куда-то уходить? – изобразил он смущение.

– Что вы, что вы! – замахал жилец холеными руками. – Мы так рады вашему приходу...

– Зря радуетесь, – зловеще сказал Алик. – Квартиру снимаете?

– Да, конечно, – не стал отпираться мужчина. – Со своей, знаете, столько хлопот, лучше уж в съемной.

– А хозяйева где?

– Да бог их знает. Мы деньги за год вперед отдали – ни нам беспокойства, ни им волнений.

– Но где-то они все-таки живут, – нажимал Альберт, – телефончик их, пожалуйста.

– Они за границей, то ли в Алжире, то ли в Судане. Да нам и неинтересно, – пойдемте лучше обедать. Вы мне сразу так понравились, так понравились!

И тут Пыжиков понял, что совершил непростительную ошибку. Вот что значит пить коктейль из пива и водки в компании техника-смотрителя.

Идиот! Чем это все обернется? Решил идти напролом: «но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». И вкрадчивым голосом поинтересовался:

– А вы в курсе того, что налог за сдачу квартиры ваши хозяева не платят?

– Ах, как неудобно-то, – засуетился замшевый, – сколько с нас?

Пыжиков достал калькулятор и деловито предложил:

– Давайте считать вместе.

Прикинули цену, из нее извлекли сумму подоходного налога. Альберт получил на руки нехилую сумму и выписал липовую квитанцию, мечтая только побыстрее унести ноги. Уже на пороге, за своей спиной, он слышал умильный голос:

– Вот спасибо, избавили нас от беготни по сбербанкам. До чего ж вы приятный человек! А с хозяевами разберемся, не сомневайтесь, они тоже прекрасные люди.

«Разбирайся-разбирайся», идиот напوماженный. Интересно, что они тебе скажут, когда выяснится, что налог уплачен полностью? А может, и не уплачен, кто его знает...

Выкурив подряд две сигареты за домом, Пыжиков немного успокоился и отправился по следующему адресу. Там он сразу же потребовал с жильцов номер телефона хозяев, но оказалось, что мера совершенно излишняя, так как они живут в квартире этажом выше.

За этот день он посетил четыре списочных пункта, после чего решил, что на сегодня хватит: в портмоне лежала солидная пачка денег. Личина налогового инспектора сработала.

Все следующие дни он ходил в гостеприимный сталинский дом, как на службу. Квартир, сданных в аренду, было много, даже сверх самых смелых ожиданий. Встречали радушно или с затаенным страхом, но никто не выставил, не стал проверять или требовать документы. Расчет Альберта оправдал себя. Чего он только не насмотрелся, – своры собак на продажу, клуб по интересам, брачное агентство, религиозная секта, школа поваров... Деньги отстегивали мгновенно. Не было заминок даже с гражданами азиатской национальности, хотя по-русски они и не понимали, и не говорили.

В конце второй недели «окучивания» Пыжиков пошел к очередной жертве, но опять не к хозяевам, а к жиличке. Чувствовал себя совершенно свободно, вел себя развязано. Решил, что немолодая женщина в инвалидной коляске будет легкой добычей и апофеозом его грандиозной операции. Залогом успеха являлись сведения, добытые у злобных старушек, гнездящихся на скамейках. Одна из них, с вислым вторым подбородком, но в кокетливой шляпке и узких белых брючках, которые открывали варикозные икры и толстые щиколотки, призывно похлопала ладошкой по свободному месту рядом с собой и поведала душевную историю о том, как тетенька из нужной ему квартиры «пила, пила, а потом сломала обе ноги».

«Замечательно, – подумал Альберт, – она еще и пьет. Находка! Прямо из фильма «Здравствуйте, я ваша тетя!»: «она любит выпить, этим надо воспользоваться».

Он позвонил в домофон, однако впустить его отказались – под предлогом занятости. Разозленный, он просидел на скамеечке еще минут сорок, успел за это время выслушать от бабули в шляпке историю ее бурной жизни и угостить ее пломбиром, который закапал ему брюки. Позвонил в домофон еще раз – опять отказ, но теперь уже мужским голосом.

– Дождитесь, пока кто-нибудь пойдет, – посоветовала собеседница.

Оскорбившись, Альберт ушел из гостеприимного садика, однако телефочик упрямой тетки, которая не хотела открывать двери, все же раздобыл, а заодно узнал, что хозяева жилплощади проживают в США, штат Калифорния.

Два дня он звонил и пугал ее налоговыми неуплатами, процентами и вызовом в суд хозяев прямо из Лос-Анджелеса, наконец участковым милиционером. После четырех дней

измывательств проклятая инвалидка милостиво разрешила подняться, но в дверях потребовала служебное удостоверение и телефон начальства. Пригрозив, что вернется, он ретировался, кляня на чем свет стоит всех инвалидов и их амбиции. Упрямство и оскорбленная добродетель настолько разъели его душу, что он решил все-таки добить мерзавку, и через два дня опять поднялся на третий этаж.

То ли тетка расслабилась, то ли в достаточной мере была напугана, но впустила без разговоров. Вести беседы, стоя в коридоре, как в предыдущих квартирах, Альберту не удалось – пришлось шагать за инвалидной коляской в хорошенькую кухоньку и садиться так, чтобы смотреть жертве в глаза. Но когда он в них посмотрел, внутри все похолодело: это была его школьная завуч Тамара Константиновна.

Она изменилась, разве что только руки остались такими же – холеные, с длинными хищными ногтями темно-красного цвета, в массивных перстнях почти на каждом пальце. В школе она имела привычку стучать ими по лбам нерадивых учеников. Пыжиков тоже относился к нерадивым.

Кроме того, что мадам Хлыстова была заведующей учебной частью, она еще и преподавала химию, с которой у Алика отношения не сложились сразу и бесповоротно. Тамара орала, как оглашенная, била толстой плексиглазовой указкой по столу и партам, а однажды врезала этой же указкой по голове Пыжикова. Указка переломилась надвое, но тему «ангидриды» он так и не выучил. Ее боялись и ненавидели все!

У Альберта внутри рефлекторно сжалось трепещущее сердце, а заодно и желудок. Одна только робкая надежда нашептывала, что дай-то бог, химичка его не узнает. И с чего бы? Прошло двадцать лет, из тощего вихрастого мальчишки он превратился в холеного мужчину. Может, она вообще стала плохо видеть, – вон, очки на шее болтаются на какой-то веревочке. Правда, на алкогольчку совсем не похожа, да и голос такой же командный и противный, как и был.

– Ну-с, и чего вы от меня хотите, молодой человек? Гаврилов Сергей Ильич, судя по удостоверению?

Альберт мысленно перекрестился и завел привычный разговор о неуплате налога хозяевами за сдачу квартиры внаем.

– А откуда вам известно, что они не платят?

– Налоговой инспекции известно все, – назидательно сказал Пыжиков, стараясь, на всякий случай, сдвинуть брови.

– Ах, в налоговой инспекции?

– Ну да, я же ее представитель. Вы видели мои документы.

– Видела. Запомнила. И записала.

– И что? – поинтересовался Пыжиков, чувствуя, что преамбула затягивается.

– А то, что никакого Гаврилова Сергея Ильича в нашей налоговой нету и не было. Что на это скажете?

– Вы, видимо, ошиблись телефоном, уважаемая. По какому номеру вы звонили?

– Я по этому номеру и сейчас позвоню, – сказала Тамара и начала тыкать в кнопки своим когтем.

Когда ей подтвердили то, чего Альберт так опасался, она облегченно откинулась на изголовье своей инвалидной коляски.

– Ну что, товарищ аферист, по-другому говорить будем или мне в милицию звонить? А может, в ОБЭП?

– Вы меня оскорбляете! – взвился Альберт. – Какая-то новенькая секретарша, которая никого еще и не знает, сказала ерунду... Я буду говорить только с хозяевами занимаемой площади!

– Не надо нервничать, я им тоже позвонила и узнала, что все налоги уплачены. Хозяева далеко, а солнышко высоко...

– Какое, к черту, солнышко?! – Алик привстал со стула.

– Обычное, гелеевое, 18-я группа периодической системы Менделеева! – заорала она и треснула по столу лежавшим тут же рожком для обуви. – Сядь, Пыжиков, и не смей мне спектакль разыгрывать!

Конская голова рожка с треском обломилась и покатилась под стол. Алику показалось, что это катится его голова.

– Думал, я тебя не узнала?! – продолжала бесноваться Тамара. – Да ты мне в страшных снах до сих пор снишься!

– Но вы же мне на выпускном тройку поставили, – тихо сказал Альберт и сел обратно.

– Поставила, потому что РОНО требовало процентность, – вдруг сообщила завуч вполне человеческим голосом. – А теперь поговорим.

– О чем?

Безысходность положения удручала, но уже не пугала. Ну выкинет она его за порог, ну, денег не даст... Ох, быстрее бы уже выкинула! Было б о чем горевать: заработал он достаточно, а то, что прокол вышел, так на проколах учатся. Не убила же, в конце концов!

– Сиди, Пыжиков, смирно. Закуривай, – Хлыстова пододвинула ему пепельницу в виде бревна и закурила сама.

– Вы разве курите, Тамара Константиновна?

– Не твоё дело, Пыжиков, – огрызнулась она.

– Но в школе... – подобострастно произнес Алик.

– В школе я и на инвалидной коляске не ездила, – заметила химичка, – да и ты тогда аферистом не был.

– Жизнь, Тамара Константиновна, не сахар.

– У тебя? Да, не сахар... Мед! Вот об этом и поговорим.

– В смысле?

– В смысле, что без обиняков. В тюрьму хочешь?

– Помилуйте, Тамара Константиновна...

Она резко затушила сигарету.

– Сколько ты на наших жильцах заработал?

– Да я к вам к первой...

– Не ври мне! – и схватилась за обломанный рожок. – Сумма какая?!

И когда он назвал сумму, даже не солгав, она вдруг улыбнулась. Первый раз Алик видел, чтоб завучиха улыбалась... Представить не мог, что эта мегера имеет человеческую мимику!

– Деньги на стол, – скомандовала она, – до копеечки! Быстро, Пыжиков! А то я от тебя устала.

Прогулка между старинными домами, иногда даже охраняемыми государством, вносила в душу Альберта Пыжикова горькое сожаление. Голова напряженно работала, ибо положение опять было тупиковым, а карман пуст.

Американская трагедия

У мужа Светки Кельман была только одна мечта, но зато всепоглощающая, так сказать «одна, но пламенная страсть», – переселиться в Америку. Ему казалось, что солнце там светит ярче, дождей не бывает, а колбаса вкусней советской в миллионы раз. Надо ехать.

Светка, естественно, должна была ехать с ним – в рамках его мечты.

Таким образом, в дивные перестроечные времена Светка загремела в Штаты в компании свекрови и двух маленьких дочек. Соответственно, под предводительством мужа.

Жить решили в Южной Калифорнии, в непосредственной близости от загадочного и умопомрачительного Голливуда. И жизнь начала складываться каким-то необъяснимым причудливым образом. Мужа на работу никуда не брали – в силу абсолютного незнания языка, а на работу, где язык был в общем-то не нужен (никакой), муж сам идти не хотел, так как таскать на себе тяжести или разгружать вагоны считал недостойным и даже зазорным. Идти на курсы по изучению английского он тоже не желал. А сам по себе язык почему-то не учился. Но муж не унывал и каждое утро, которое начиналось у него к обеду, отправлялся в соседний бар окуриваться, по его словам, в языковое окружение. Свекровь продолжала делать то, что она делала всю жизнь, то есть болеть. Тут уж разницы никакой, что она в Киеве болела и Светка за ней ухаживала, что в Лос-Анджелесе – ухаживает та же Светка.

В общем, все вроде чем-то заняты: свекровь своими недомоганиями, муж регулярным погружением в языковое окружение, дети растут как полынь-трава. А куда им деваться? Законов природы еще никто не отменял. Работать пришлось одной Светке. Америка – государство хоть и райское, но все же государство, и в магазинах бесплатно ничего не дают.

Нанималась Светка к русским старушкам, что-то типа сиделки-санитарки, – благо, образование, полученное в Киевском медучилище № 7, вполне позволяло. Старушки Светку любили – за легкий нрав, общительность и правильный русский язык, которого им так не хватало вдали от Родины.

Территориальная близость к Голливуду не радовала. То есть Светке было не до этого, а вот муж даже раздражался: то ли от того, что никто из звезд не болтался просто так по улицам, то ли от того, что не перед кем было форснуть своим месторасположением. Через два года муж и вовсе решил, что несколько промахнулся со своей грандиозной мечтой, и отправился обратно в родимый Киев, сообщив на прощание, что за мамой вернется попозже.

И тут жизнь дала новый, совершенно неожиданный поворот. Оставленная на «попозже» свекровь вдруг резко поправилась и с бешеной энергией стала заниматься детьми и хозяйством. В это же самое время решила уйти в мир иной одна из Светкиных старушенций, и в завещании отписала Светке в качестве наследства... обожаемую собачку – старую, придурочную болонку с ожирением. К болонке прилагался список: чем кормить, чем поить, когда спать укладывать и т. д.

Имя у собачки было дивное – Лунтик. Видно, покойная бабушка пересмотрела мультфильмов: только у болонки рожа была еще гаже, чем у гадостного пришельца с Луны в мультике. Привычки тоже еще те! Писал Лунтик исключительно на лакированном полу в центральной комнате, где все потом подскальзывались, падали, а в особо «удачных» случаях ломали руки или ноги. Гадил он, конечно же, не на улице, куда свекровь выводила его дважды в день, а в специально облюбованных местах, как то диваны, кровати и ковер. Кормили эту сволочь редкостную курочкой без ГМО, гомогенизированным молочком и какими-то витаминами по типу «зашибись», – все, как и прописала завещательница.

Вся семья эту дрянь терпела, а свекровь даже заискивала в надежде, что в Лунтике проснется совесть, или что там еще бывает у собак. Однажды, в порыве подобоострастия, она

угостила мерзкую собаченцию докторской колбаской по безумной цене, сходяв за ней в русский магазин. Ход оказался неверным – Лунтику сплохело.

Светка, бросив очередную клиентку, помчалась с блюющим Лунтиком к ветеринару. Милый доктор забрал болонку для осмотра, а через минут двадцать вышел в коридор и сообщил взволнованным тоном, что сердце у собачки остановилось, и чтоб его запустить, нужно пятьдесят долларов. Дрожащей рукой Светка вынула из кошелька последнюю купюру и отдала ее в руки спасителю. Через минут эдак сорок «спаситель» вынес Лунтика и с довольным видом заявил, что теперь надо делать капельницы. Правда, штука не дешевая – семь тысяч долларов, – но жизненно необходимая.

Светка, как угорелая, по-быстрому закинула ожившую тварь домой и понеслась в контору, где числилась сиделкой-санитаркой. Она сбивчиво умоляла начальство сказать, что она зарабатывает достаточно, чтобы взять кредит в банке на семь тысяч долларов, если кто оттуда позвонит. Не дав начальству опомниться, она ошалело помчалась в банк, где взяла нужную сумму.

К вечеру Лунтик сдох.

Светка осталась с неподъемным долгом, свекровь – с чувством вины, которое тут же переложила на Светку – дескать, только о работе и думает, нет, чтобы о собачке. А старшая, уже вполне разумная дочь подытожила:

– Надо президенту написать. Зачем он тратит безумные деньги на военные нужды, когда все так просто?! Пошел, купил докторской колбаски грамм сто – и никакой враг не страшен!

Ангелочек

Ох, не надо было Кузнецовой выходить замуж! А если конкретнее, не надо было выходить замуж так рано или надо было выходить не за того... Короче, не надо было, и все тут!

Конечно, большой плюс, что от брака (и в браке) родился чудный ребеночек – просто загляденье! Но, как показывает опыт современной молодежи, родить можно и без законного мужа, просто «для самой себя». И никто в тебя пальцем тыкать не будет, а тем более не станет клеймить на комсомольском собрании и выносить общественное порицание.

Муж Кузнецовой оказался сволочью первостатейной. Работать он не хотел принципиально, поскольку считал, что художника любая работа оскорбляет, так как стесняет его свободу, искажает мироощущение и творить уже становится невозможным. При этом он как-то забывал воспользоваться еще одним постулатом, который гласит, что художник должен быть голодным. Ел, пил и курил дражайший муж на деньги Кузнецовой. Баб, правда, оплачивать, слава богу, было не надо, этого Кузин бюджет уже бы не выдержал, – они вешались сами.

И вот, застав однажды мужа с очередной профурсеткой на супружеском ложе, Кузя сначала выкинула на лестничную площадку носильные вещи заигравшейся парочки, а потом и их обоих.

Стала Кузя жить одна. Сын радовал до невозможности – и хорошенький, и умненький, и с хорошей реакцией. Когда он пошел в школу, учителя настолько благоволили к нему благодаря вышеперечисленному, что ниже четверок оценки не ставили. Рос ребеночек, рос...

Однако всему хорошему когда-то наступает предел, ибо жить хорошо всегда – невозможно.

Когда Лешке минуло двенадцать, в один из далеко не счастливых дней он не пришел домой из школы. Кузя зафиксировала этот факт сразу, поскольку не было ежедневного звонка: «Я пришел и сажусь обедать». Кузя, дыша еще вполне ровно, побежала в школу, но там выяснилось, что Лешки на уроках не было вообще. Кузя обзвонила всех его друзей, обежала все дворы и закоулки в близлежащей местности, вызвала на подмогу всю свою большую компанию, а в 22:00 по московскому времени отправилась в милицию. В отделении ей не обрадовались, но и на дверь не указали. Дежурный сержант, непрестанно зевая, сказал:

– Мамочка, заявление писать все равно рано, придет еще.

– Когда? Когда придет?! – заорала Кузя, тыча сержанту в нос Лешкину фотографию.

Сержант внимательно посмотрел на снимок.

– А может, и не придет, уж больно хорошенький...

И опять принялся зевать.

Кузя завизжала так, что милиционер остался с открытым ртом, и выскочила на улицу. Ближе к 12 ночи на ноги подняли полгорода и бабушку, которая жила во Пскове. Вот тогда-то в дверь раздался звонок и появился «утраченный» ребенок – живой, здоровый, но несколько помятый. Взгляд, как всегда, ангельский, и Кузя, хоть и имела характер скверный и язык острый, промолчала.

На следующее утро разборки тоже не вышло – у Лешки поднялась температура. Взяв больничный по уходу за ребенком, чего Кузя никогда себе не позволяла, она сидела рядом с сыном и поила его куриным бульончиком, поскольку от всего другого его рвало, а бабушка, примчавшаяся в панике из Пскова, бегала по аптекам. Через неделю милый мальчик поднялся с постели и пошел в школу. Из школы домой опять не пришел. И вся катавасия завертелась по наезженной колее, только уже с участием бабушки, которая путалась под ногами и всех дергала.

Теперь Лешка вернулся не к ночи, как в прошлый раз, а утром следующего дня. И опять со светлым взглядом, в котором ни на гран не отражалось раскаяния. Видимо, он решил, что второй раз все обойдется. Не обошлось: Кузя отправила бабушку во Псков, устроила Лешке

выволочку по первому разряду, с применением не рекомендуемых педагогикой ремня и мокрой тряпки, и пошла по всем Лешкиным друзьям женского и мужского полу – искать правду. А когда она ее, эту правду, нашла, то совсем не обрадовалась. Выяснилось, что 12-летний ангел Леша во все эти отлучки на каком-то чердаке пил портвейн в компании половозрелых гопников. Спал там же, на чердаке. Замечательное и очень увлекательное времяпрепровождение: клюкнул портвешку – поспал, еще клюкнул – поспал. И разговоры, наверное, интересные...

Кузя сосредоточилась и обратилась к сыну то ли с предложением, то ли с приказанием:

– Вот прямо сейчас, будь любезен, сядь и напиши мне подробно распорядок своей жизни на следующую неделю.

Лешка поднял на нее ангельский взгляд:

– Зачем?

– За тем, что ты начинаешь новую жизнь, и не дай тебе бог...

Лицо Кузи приобрело настолько зверское выражение, что сын сразу схватился за шариковую ручку. Через 50 минут планчик был готов.

«Понедельник – тусуюсь с ребятами во дворе дома № 15.

Вторник – тусуюсь с ребятами в подвале дома № 11.

Среда – катаюсь на мотоцикле с Сенькой.

Четверг – тусуюсь с ребятами в подвале дома № 27.

Пятница – тусуюсь с ребятами на чердаке дома № 4.

Суббота – занимаюсь».

– Чем? Чем занимаешься?! – взревела Кузя и схватила за сердце.

В общем, пришлось срываться посреди учебного года и волочь ребеночка к бабушке на временное проживание. Все-таки Кузе надо было иногда и работать, а не только бегать в поисках своего ангелочка по подвалам и чердакам.

Школу Лешка закончил во Пскове – правда, всего восемь классов, – и навсегда решил остаться у бабушки. Ему понравилось жить на пенсию старушки и подворовывать у нее же кое-что на продажу. Иногда он приезжал к Кузе, которую после всех событий хватанул инсульт и значительно перекосило. И всегда от него пахло... Нет, не перегаром – свежачком.

А бабушка звонила вслед:

– Ты уж там не обижай нашего ангелочка!

Гнусная история любви

Мои отношения с Усиком носили условно-родственный характер: он считался моим братом. Именно считался, поскольку придумали мы это сами – после того как устали объяснять навязчивым окружающим, что это я не любовника себе молодого завела, а мы просто дружим.

В дружбу мужчины и женщины никто не верил, – только моя мама. Она знала меня лучше всех.

На самом деле Усик был бывшим любовником моей бывшей подруги, и нас это в какой-то мере не то чтобы связывало, но объясняло момент нашего знакомства. Парень он был что надо, а Усиком назвала его я, сократив до неузнаваемости имя Николай. Он ввел меня в свою мужскую компанию, и таким образом организовалось устойчивое сообщество: Яшка, Мишка, Усик и я. С ними было весело и вольготно, и ни разу к нашей четверке не присоединялись женщины, разве только в одномоментных вариантах.

Мальчишки были не только разными сами по себе, они и в моей жизни исполняли различные роли. Яшка общался со мной ночами по телефону, при этом он никогда и никуда меня не приглашал. Его мама даже прозвала меня телефонной подругой. Мишка же, наоборот, всегда зазывал меня то в филармонию, то в кинотеатр. И всегда после посещения каких-то просветительских мероприятий я приглашалась к нему в дом на обед или ужин. Столы там накрывались, как в лучших ресторанах, а мама с папой были настолько великосветски-любезны, что создавалось впечатление раута или другого дипломатического приема.

С Усиком же я бывала абсолютно везде, и даже ездила с ним отдыхать в Пицунду и справлять Новый год в Таллин. Разнообразные Усиковские девицы, искренне считая меня его то ли двоюродной, то ли троюродной сестрой, всячески подлизывались и выведывали планы Усика на жизнь. Каждая из них всерьез надеялась пойти с ним под венец.

В доме у меня он считался настолько своим человеком, что мама специально готовила его любимые блюда, а папа время от времени спрашивал: «Ну как дела у твоего брата?».

И вдруг протекающая и вполне устраивавшая меня действительность стала плавно искажаться, словно в кривом зеркале. Началось с Мишки.

Мы ехали из очередного театра.

– Ты никогда не задумывалась над тем, чтобы уехать?

– Куда? – я была еще под впечатлением от спектакля и даже не обратила внимания на его какой-то подползающий тон.

– В Америку. Все едут в Америку.

– Господи, Мишка! Что там делать-то?! Чем дома хуже?

– Там возможностей больше, – сообщил он мне уверенно.

Я посмотрела на его лицо и поняла, что он серьезен как никогда.

– Мишенька, дорогой, я об этом как-то не задумывалась... А ты что, хочешь уехать?

– Я не просто хочу, я уже все решил и предлагаю тебе ехать со мной.

– В качестве кого? – я обалдела.

– В качестве жены, конечно, – сказал Мишка. – Папе с мамой ты очень нравишься.

Внутренне я просто рухнула и обвалилась, поняв, что все мои посещения семейных застолий были заранее спланированы и являлись многосерийными смотрами.

– Не-ет, я не поеду. Во-первых, у меня здесь родители, а во-вторых, никому я с моим гуманитарным образованием за границей не нужна.

– Подумай, – попросил Мишка, и мы вышли из троллейбуса.

Домой я пришла совершенно потрясенная и сразу стала все подробно рассказывать маме, которая, как всегда, ждала меня на кухне. Мама внимательно выслушала и сказала:

– Татьяна, только такая дура, как ты, могла не понять, к чему идет дело.

На «дуру» я совершенно не обиделась. В нашем доме, где никогда не ругались бранными словами, только «дура» и «паршивка» были в ходу, да и то носили укоризненно-ласкательную окраску.

– А что я должна была понять? Что Мишка соберется сменить флаг над головой?

– Нет, – терпеливо сказала мама. – Запомни: это ты с мужчинами дружишь просто так, а если мужчина дружит с тобой, то ты ему нравишься.

– Как? – решила уточнить я.

– Как женщина! А если ты этого не поняла, то ты трижды дура.

Я глубоко задумалась.

– Мам, а ведь Яшка и Усик тоже со мной дружат.

– Значит, тоже нравишься. Подожди, еще увидишь.

Мама была, конечно же, права, и ждать пришлось не вечность.

Мишка, получив от меня решительный отказ (чего я там не видела, в Америке?) быстренько подобрал себе девицу по имени Кира, с которой учился на курсах английского языка. Подобрал, женился и улетел за кордон. Остались мы втроем. Однако Усик с момента перебазировки Мишки стал меня ревновать к Яшке. Не очень, впрочем, всерьез. Ситуация была веселой и необременительной. Под «ха-ха – хи-хи» мы еженедельно ходили к Мишкиным родителям, съездили отдохнуть в Крым и женили Якова на очаровательной, совсем молоденькой девочке, с которой они отъехали – угадайте куда – в Америку. Из всей развеселой и дружной компании держались только Усик и я, как однажды...

– Может, поженимся? – предложил мне Усик, и мы даже стали подбирать свидетелей.

Отношения у нас были такие, что лучше и не намечтаешь: более заботливого и внимательного мужчины я рядом с собой никогда не видела. Но какой он мужчина, он же мне брат, хоть и придуманный... Сколько продлились бы наши сборы к такой же придуманной свадьбе – бог весть, если бы муж моей институтской подруги не передал через меня Усику деньги за какую-то то ли работу, то ли услугу.

– Есть мой гонорар? – поинтересовался братец по телефону.

– Есть, в запечатанном конверте.

– Распечатывай и считай! – скомандовал он весело.

Ну я и распечатала. Подсчитала. Усик помрачнел, а на следующий день без всяких разговоров, на пороге, забрал у меня, недоумевающей, конверт и больше никогда в моей жизни не появлялся. Решил, что я его нагрела, забрав часть денег себе.

Очень скоро он сошелся с бывшей женой, без которой прекрасно обходился десять лет, и отбыл – нетрудно сообразить куда.

Я не знаю, как там за океаном живет Яшка, Мишка и Усику, – мне здесь, в бывшем Советском Союзе, живет отлично. Но если моя мама права и они все были в меня влюблены, то почему же никто из них не остался со мной?

Ангел-хранитель

Познакомились мы, смешно сказать, на антисемитском митинге. Я попала туда случайно: шла от метро «Площадь Восстания» и решила сократить дорогу.

Путь вынес к «Октябрьскому». Смотрю – толпа там у входа жуткая, это при том что пятница и на улице градусов тридцать жары. За город надо ехать, на травку, поближе к водичке... Я еще подумала: такая жара, а они женятся. Что же сегодня дают в концертном зале, что такое столпотворение? Я пропустила что-то значимое?

Влезаю в людскую гущу и с удивлением вижу персонажей, стоящих с самодельными плакатами в руках. На листах ватмана вкривь и вкось начертано: «Россия не Израиль», «Раввин, вон из России!». Тоже мне, бином Ньютона... Но любопытно. Стала я приглядываться и прислушиваться. А народ беснуется, слов нет! Среди какой-то группки два красных от натуги парня выясняют, кто святее, Иисус или Иуда. Дай, думаю, послушаю.

Один из них орет:

– Ваш подлый Иуда предал нашего бедного Христа!

Второй ему в ответ:

– Это ваш гад Христос толкнул Иуду на предательство!

– Иуда убил еврея Христа!

И первый норовит оппоненту в глаз заехать.

Я, конечно, пролезла поближе и встряла.

– Об чем спич? Один еврей убил другого или там... предал... Так это их личное еврейское дело! Чего вы лезете?

Потом отвлеклась на какого-то придурка, который в строгом сером костюме и при галстукке орал в мегафон:

– Русские – все налево! Евреи – все направо, в Октябрьский зал! Русские налево! Евреи все в Октябрьский зал!

– Где, видимо, и будет еврейский погром, – добавила я и пошла далее выяснять, что же здесь все-таки происходит.

И тут заметила, что за мной шаг в шаг ходит совсем молоденькая девушка, почти девочка. Ходит молча, но глаз с меня не сводит. Что она там делает и на чьей она стороне, я даже не стала задумываться: делать ей нечего, вот и слоняется.

Я направилась к импровизированному помосту: там, держа с двух концов транспарант с текстом на иврите, стояли два мальчика лет семнадцати. Один был с приколотыми пейсами и в касторовой шляпе. Я, естественно, прицепилась и к ним:

– Ребята, а вы тут кого представляете?

Мальчики дружно сказали «Му-у...», а за своей спиной я услышала тихий, но отчетливый голос:

– Гилель.

Я обернулась, увидела странную девочку и уточнила:

– Что такое гилель?

– Это молодежная еврейская организация, они оттуда.

– Ну допустим. А ты-то откуда знаешь?

Девочка пожала плечами. Времени в данный момент я решила на нее не тратить и продолжила беседу с ребятами.

– А что у вас тут написано?

Тот, что с пейсами, промолчал, зато второй пустился в долгие объяснения, из которых было понятно только одно: евреев всегда и везде бьют, потому они богоизбранный народ. Как-то у него в голове история иудеев сложилась с точностью до наоборот. Я поинтересовалась:

– И часто тебя лично били?

Лицо мальчишки расцвело. Одновременно с этой весенней метаморфозой напарник стал показывать ему запрещающие знаки. Сигнализация явно говорила «заткнись», но толку от этого не было никакого: паренек с упоением стал излагать сумрачную историю избиений. Девочка сзади презрительно произнесла: «Мученик сыскался».

Вот тут я наконец решила обратить внимание на нее, тем более хотелось узнать, в честь чего происходит весь сыр-бор в такую жару перед БКЗ. Но опять раздался противный голос мужика с рупором и я пошла в его сторону. Не меняя пластинки он орал:

– Русские налево, евреи направо!

Надо было определиться, наконец! Я нарисовалась под самым его локтем. От серого пиджака удушающе пахло мокрой псиной и потом.

– А если я половинка, мне куда?

Лицо мужика приобрело зверское выражение, запахло еще сильнее.

– Вот тут девушка интересуется!!! – завизжал он на всю площадь, а я, честно говоря, перепугалась и достойно заявив громким голосом «Никто уже не интересуется!», попятилась.

Не бежать стремглав меня удержало чувство страха, поэтому удалилась я весьма гордой поступью, хоть и на дрожащих ногах. В тот момент казалось, что я слышу стук собственных каблучков, а вся толпа замерла, как на стоп-кадре в немом кино.

Отойдя на безопасное расстояние от эпицентра опасности я грохнулась на первую попавшуюся скамейку, но подняв глаза снова увидела девицу, слонявшуюся за мной. Она была абсолютно никакой. Вот просто пустое место! Одета неопределенно, волосы серенькие, глаз как будто и вовсе нет. Смазанная какая-то девочка.

– Ну и что ты за мной все ходишь?

– Я не просто хожу, – сказала она серьезно, – а с целью.

– С какой целью? – мне стало смешно.

– Я восхищаюсь.

– Чем? – уточнила я.

– Тобой! Ты такая яркая, такая красивая, такая смелая!

– Это, конечно, спасибо, но уж явный перебор насчет смелости.

– Нет-нет, очень смелая! Как ты их всех...

– Знаешь что, – решила я приостановить поток славословия, – ты присядь и расскажи, что ты здесь делала, кроме того что мною восхищалась. И давай-ка не будем переходить рамок: обращайся ко мне на «вы».

– Но мы же в одной команде! – возразила девочка изумленно.

– Во-первых, я тебе в мамы почти гожусь, а во-вторых, ни в какой я и ни с кем команде. А теперь отвечай на поставленный вопрос, что ты здесь делала.

– Просто шла домой и увидела афишу.

– А афиша о чем? О том что митинг будет?

– Да нет, – девочка даже расстроилась, видя, что я ничего не понимаю, – афиша о том, что в Октябрьском будут петь мессианские евреи.

– Поподробнее, пожалуйста. При чем тут евреи с афиши? И куда ты шла?

– Домой я шла, из школы. Я в еврейской школе учусь на Добролюбова, а эти тут евреев бить собираются. Они и около Юбилейного митингуют сегодня.

– Понятно, что ничего не понятно, – призналась я честно. – Лучше скажи, почему тебя так далеко от дома в школу запихнули?

– Так другая еврейская еще дальше, на Лермонтовском, а тут на 7-й троллейбус села – и в школу. Я даже еще кое-что подучить успеваю.

– А как же тебя, душенька, зовут?

Смазанная девочка захлопала белесыми ресницами и заулыбалась. Зубки у нее были белоснежные, один к одному, как на рекламе зубной пасты. Действительно, когда о девушке нечего сказать, говорят, что у нее красивые зубы и она уважает своих родителей.

– Меня странно зовут, – Зинаида.

– Это не странно, а редко, – утешила я ее.

– Наверное, – согласилась она. – А фамилия моя Шляпник.

– Значит, ты еврейка? – пропустила я мимо ушей ее диковатую фамилию.

– Не-е-ет, – протянула Зина. – Это мамин муж еврей, но он меня удочерил.

– Он что, верующий еврей?

– Да так-сяк. Но семьянин Рафик – хороший, – заверила она.

Мне, честно сказать, было абсолютно наплевать, какой он там семьянин, этот Рафик, но поразила неуместная обстоятельность девочки и ее лексикон.

– А у вас дети есть? – заинтересовалась она, в свою очередь, моим статусом.

– Есть. Дочка, ненамного младше тебя.

– Ну мне-то уже пятнадцать! – гордо сообщила новая знакомая по фамилии Шляпник. – А в какую школу ваша дочка ходит? В нашу?

– Не приведи господь, – сказала я, – в обычную, английскую.

– Но вы же ... по 5-му пункту... кто?

– Понимаешь, Зиночка, я много кто... И еврейка я наполовину, – туманно объяснила я. – А семья у нас многонациональная.

– И замужем вы не за евреем? – поразила девочка до глубины души.

– Давай оставим мою подноготную в покое, – предложила я ей строгим голосом, уже жалея о том, что ввязалась в этот разговор.

– Хорошо, как скажете, – согласилась Зина. – Только признайтесь: а зачем вы на этот митинг приходили?

– Не приходила я, просто мимо шла и заинтересовалась.

– Но вы же евреев от антисемитов защищали! – Ее блеклые глаза загорелись праведным гневом.

– Конечно, – подтвердила я, – не люблю идиотов.

– И правильно, – поддержала меня Зина. – А в какого бога вы верите?

От неожиданности я вздрогнула. Переход на религиозную тему никак не предусматривался – во всяком случае мною, поэтому я совершенно честно сказала:

– Я, Зина, атеистка.

– Так же нельзя... – закручинилась моя собеседница. – В какого-нибудь верить надо.

– Не мели чушь! Бог один на всех. Если он есть, конечно.

– Есть-есть! – горячо заверила меня девочка Шляпник. – И ангелы-хранители есть. Вот вас кто охраняет?

– Никто меня не охраняет. Бог о моем существовании и не подозревает, – так же, как я о его. Мы не знакомы, нас друг другу не представили. Давай, Зинуша, расходиться, меня дома ждут.

Лицо Зинаиды вдруг стало решительным и отчаянным одновременно. Довольно странно такие эмоции читались на ее тусклой физиономии.

– Вас никто не охраняет? Значит, буду охранять я! Считайте, что с этой минуты о вас есть кому позаботиться.

– О господи... – только и смогла я произнести.

Расстались мы дружелюбно, она даже проводила меня до парадной, и видимо, рассчитывала на приглашение и знакомство с моей дочерью, но я отцепилась, оставив ей свой телефон.

Время текло, как обычно. Я занималась своими делами, которых было предостаточно, так как помимо наличия мужа и дочки я работала. В этом году была интернатура и выкладываться

приходилось по полной программе, тем более что место в «Институте красоты» досталось мне с трудом. Но игра стоила свеч, ибо работать в стоматологии хирургом, закончив факультет челюстно-лицевой хирургии, совсем не хотелось.

Изредка звонила девочка Зина, допытываясь, все ли у меня в порядке. Но я заверяла ее в своем полнейшем благополучии и надеялась, что эта блажь скоро с нее сойдет. Поскольку никаких отрицательных эмоций она не вызывала, я относилась к ее закидонам весьма снисходительно и даже пару раз брала ее вместе со своей дочерью в театр, когда спектакли были не совсем уж детские: все же моя Дашка была на семь лет моложе девочки из еврейской школы. Муж посмеивался: «Теперь я за тебя спокоен. С таким-то ангелом-хранителем... Может, мне тоже кого завести?».

Однако во время зимних каникул порывы Зины Шляпник стали принимать совершенно конкретную форму. Она провожала меня на работу и встречала с нее, но это было еще не самое ужасное. Она сидела у кабинета в ожидании моего выхода на перекур или чашку кофе! Мало того, она еще и разговаривала!

В один из таких дней к моему столу подседа женщина, рассчитывающая делать у нас ринопластику (не у меня – я же только интерн, а у нас в Институте), и поинтересовалась шепотом:

- Это правда, что оперируют у вас только по национальному признаку?
- Ерунда какая, – мило улыбнулась я ей, – давайте лучше посмотрим ваш носик.
- А вы уверены?
- В чем?

Ответить ей уже было затруднительно, поскольку я начала осмотр.

Еще через пару дней появилась еще одна дамочка со странными вопросами.

- Доктор, вы не в курсе, при выезде на ПМЖ в Израиль имеет значение внешность?
- Что вы имеете в виду?
- Нужно ли быть похожей на семитку?

Я решила, что по чистой случайности ко мне попадают неадекваты. Ну да бог с ними, все равно перед операцией пойдут за справкой к психиатру, мое дело – первичный осмотр.

Вся благость закончилась, когда в конце недели в мой кабинет ворвался разъяренный начмед и заорал, как подорванный.

- Что вы себе позволяете?! Или хотите вылететь из интернатуры?!
- Роман Борисович, что случилось? Почему вы так кричите?
- Ах, почему я кричу?! – Он выскочил за дверь и тут же вернулся ведя за руку здорового детину. По лицу амбала текли слезы, а нос он утирал рукавом. – Вот человек, которому вы отказали в приеме! По какому праву?!

– Роман Борисович, я его впервые вижу.

Парень еще пару раз шмыгнул носом и подтвердил:

– Я у нее не был, вы не так поняли. Не она.

Начмед быстро загорался, но так же быстро и остывал.

– Не она, так кто? – спросил он уже спокойным голосом. – На кого вы мне только что жаловались?

Двери приоткрылась и в нее заглянула очередная пациентка, я только махнула рукой – дескать, подождите. Роман Борисович тихо крякнул и направился к выходу.

– Разбирайтесь тут без меня.

Я усадила обиженного пациента, налила ему валерьянки и стала выяснять подробности.

Оказалось, что он спокойно сидел в небольшой очереди, ожидая приема, когда с ним разговорила какая-то девица. Глядя на нее, парень нисколько не усомнился, что она при-

мерно по тому же поводу, что и он, пришла в Институт красоты – настолько безобразна была случайная собеседница. Однако она была не только уродлива внешне, но еще и страшна на язык. Рассмотрев физический недостаток бедняги, девушка стала уверять, что все мужчины в нашей стране страдают тем же, а может и похлестче. Но это их кара. То есть надо жить крокодилом неся свой крест. В выражениях она не стеснялась, чем и довела несчастного и до слез и до начмеда.

Прикинув в уме, я начала вспоминать женщин со странными вопросами, уже приходивших ко мне.

– Скажите, дружочек, – спросила я парня, – девушка была очень молодая?

– Почти девочка, – грустно сказал он. – Если даже такая соплячка уверяет...

– Да забудьте то, в чем она там вас уверяет! Это просто ненормальная. Знаете, такие городские сумасшедшие есть? Она могла случайно зайти хоть в прачечную, хоть в булочную, хоть сюда. Лучше расскажите, что вас беспокоит.

Выяснилось, что бедолага пришел всего-навсего с желанием подправить лопухость. Я начала первичный осмотр, но из головы не шла мысль о моем навязавшемся ангеле-хранителе. Я почти была уверена, что это ее штучки. Сначала хотела найти ее и, если не набить морду, то принять радикальные меры. Но пока ехала домой, немного поостыла и даже мужу ничего рассказывать не стала – наверняка скажет, что сама пригрела. Зато в последующие дни, сидя на приеме, я то и дело выглядывала в коридор – во избежание... Начальство больше не докапывалось, и я решила, что все обошлось малой кровью. С затаенной злобой я ждала звонка Зинаиды.

Все-таки «кто чего боится, то с тем и случится»: вызвал меня к себе начмед. Я заранее приготовила оправдательно-наступательную речь, но на душе было кисло. Как не поведи себя, я всего лишь интерн. Однако все мои страхи были, как оказалось, напрасны: Роман Борисович напросился ко мне в попутчики.

– Вы, вроде, живете около гостиницы «Эмеральда»?

Я удивилась:

– А вы откуда знаете?

– Разведка донесла. Дело в том, что там мои друзья из Риги остановились, а я даже не представляю, в какой стороне этот дивный отель находится. Поработайте сегодня компасом, если не затруднит.

С чего бы меня затруднило?

Я сказала: «Ах, какие пустяки», а сама подумала: «Вот по дороге и объяснюсь».

Проводив начмеда ровнехонько до холла безобразной пятизвездочной «Эмеральды» я поднялась на второй этаж. Там в магазине Елены Фурс я сделала морду ящиком и с шиком перемеряла четыре роскошные шубы, на покупку которых у меня нет и никогда не будет денег. Крутилась перед зеркалами почти час и довольная собой отправилась от элитных мехов к плите и фартуку.

Мерзкий ангел-хранитель напомнил о себе на следующий день, но зато в устрашающем объеме. Была суббота, и мы вместе с мужем пошли за дочкой в школу, а забрав ее, отправились в небольшой ресторанчик недалеко от дома. Сейчас ведь не поймешь, то ли ресторан, то ли кафе. По ценам, конечно, ресторан, а все остальное явно уровнем ниже.

Сделали заказ. Дашка счастлива от того, что сама по меню выбирала, как взрослая. И вот за десертом она вдруг нам говорит, что хочет поделиться секретом. Мы даже не насторожились, вечно у детей какие-то страшные тайны.

– Ну конечно, – отозвался муж, – мы внимательно слушаем. А секрет-то от кого?

– От вас. Я онемела, а муж продолжил.

– Если от нас, зачем же ты рассказывать будешь?

Я пихнула его ногой под столом.

– Это не то чтобы секрет, то есть, конечно, секрет... – начала путаться Дашка. – Но мне совет нужен, а посоветоваться не с кем.

– Так давай уже!

– Я так колеблюсь, так колеблюсь...

Я пихнула мужа еще раз, но уже чтоб он не засмеялся.

– Ты не колебайся, – сказал муж с серьезным лицом. – С кем еще советоваться, как не с родителями?

Дашка отставила от себя креманку и поинтересовалась:

– У меня грехи есть?

– В смысле? – не сдержалась я.

– Ну какие-нибудь ужасные вещи я делала в своей жизни?

– Ты знаешь, что такое грех?! – удивилась я. В нашем лексиконе такое слово не присутствовало, во всяком случае при общении с дочкой.

– Объяснили, – не по-детски вздохнула Дашка. – Вот я теперь и думаю, в чем каяться.

– Кому? – хором спросили мы.

– Какому-то святому отцу.

В очередной раз врезав мужу ногой под столом – на этот раз, чтоб он молчал – я принялась за детальный опрос.

– Дашка, давай сразу определимся. Откуда ты взяла «святого отца», и почему собралась каяться?

– Да это все просто: ко мне на большой перемене Зина приходила, сказала, что завтра каяться пойдем в грехах. Так есть у меня грехи?

– Нет у тебя грехов. Совсем нет, – уверенно сказала я. – Грехи есть у Зины, это ей придется каяться.

– Так что, не идти? – поинтересовалась дочь. – А в магазин?

– При чем тут магазин?

– Зина сказала, что потом мы пойдем в магазин покупать мне парик.

У мужа открылся рот. Но я сообразила, что это фокусы верующих евреев насчет того, что женские волосы может видеть только муж, поскольку шевелюра – самое большое богатство. Мой ангел-хранитель был к тому же полным дебилом: у нее в голове все перепуталось. Зину надо было не в еврейскую школу отдавать, а в коррекционную.

С Дашкой мы все вопросы решили по дороге домой, но что предпринять относительно диверсантки Шляпник – колесовать, четвертовать или пойти к ее родителям, – мы придумать не успели, так как телефонный звонок начал заливать, когда мы открывали дверь. Муж взял трубку и я только слышала, как он хмыкал, а потом сказал: «Жду. Сейчас». Положив трубку на базу каким-то зловещим движением он посмотрел на меня такими глазами, что сразу стало ясно: катаклизмы еще не закончились.

– Ну? – выдохнула я.

– Уведи Дашку.

– Куда?

– Куда хочешь! – заорал муж.

А дочка, быстренько сориентировавшись, сказала:

– Я к Мишке на пятый этаж, – и выскочила за дверь.

Муж закурил и торжественно сообщил мне, что сейчас прилетит мой ангел-хранитель, чтобы рассказать, как я шляюсь с мужиками по гостиницам.

– У тебя есть ровно десять минут, чтоб признаться самой.

На волеизъявление мужа я не успела среагировать, потому что завизжал домофон. Пока подключая Зина поднималась в лифте, мы открыли дверь в квартиру и заняли места на кухне, как в зрительном зале.

Увидев меня, Шляпник вспыхнула так, как будто к ней поднесли спичку, а я сказала:
– Вот сейчас ты и отчитаешься за то, как оберегаешь меня. Снимай крылья и проходи.

Слава богу, у мужа хватило ума и сил, чтобы сразу заткнуть ей рот по поводу моей нафантазированной измены.

– Допустим, я бы не знал, а зачем ты решила меня просветить? Чтобы мы развелись? Чтобы ребенок остался без отца?

Зина потупилась.

– Нет, я должна была помешать вашей жене поступать опрометчиво. Развода я не хотела ни в коем случае. Вы бы с ней поговорили... меры...

– Какие меры? – полюбопытствовал муж. – Побить, убить, соперника на дуэль вызвать?

– Можно из дома выгнать... – посоветовала добрая Зина.

Муж схватился за голову и попросил:

– Разговаривай дальше с ней сама.

А у меня уже давно язык чесался.

– Значит так, Зинаида. Слушай очень внимательно и запоминай. К Дашке не приближаться ни под каким видом, иначе я сдам тебя в милицию! Про наш дом забудь, как про страшный сон, иначе твоя явь будет ужасней любого кошмара. Адрес моей работы забудь навсегда – я специально предупрежу охрану. И про меня забудь, и про свои охранные функции, которые ты себе насочиняла!

– За что?

– Как это «за что»?! Ты в кратчайшие сроки чуть не успела разрушить мою семью и лишить меня работы! Я ведь интерн, я еще, считай, учусь – ко мне претензий больше всего!

Ангел-хранитель поднял ко мне свое смазанное лицо:

– Но я ведь тоже только интерн...

В доме у мадам Ландрин

Наташа взлетела на свой пятый этаж к массивной двери, рядом с которой крепились два звонка: один, скорее всего дореволюционный, в виде медной ручки, не работал, и второй, самый обычный, с кнопкой, – возле него висела табличка, указывающая фамилии проживающих и сколько раз кому звонить.

Тогда, в 60-х годах, многие жили в коммунальных квартирах. Счастье, если соседи хорошие попадутся, но обычно всегда была хоть одна «паршивая овца», которая портила все «стадо».

В их квартире – та же история. Приличная, по всем анкетным данным, тетенька по фамилии Попкова (иначе как Попихой ее никто не называл) изводила всех. С того момента, как ввели подушную оплату света и газа, она принципиально ходила по длинным коридорам со свечкой в руке и готовила у себя в комнате на керосинке.

Вот и сейчас, когда Наташа открыла дверь, первой, на кого она наткнулась, была Попиха, неразличимая в длинном черном платье при еле колышущемся пламени свечи. Девушка тихонько ойкнула и помчалась в кухню, стаскивая по дороге пальто. Пробежав извилистый коридор – мимо кафельного камина, книжного стеллажа, кованого сундука и висевших на стенке детских велосипедов, – она ворвалась в огромную кухню, ожидая увидеть там маму. Было столько событий, о которых надо было срочно рассказать!

Мама, и правда, возилась возле кухонного стола – сыпала сахарной пудрой через небольшое ситечко гору только что испеченного «хвороста».

Рядом крутилась младшая сестренка: она была причудливым манером завернута в мамин шелковый халат, который все время поддегивала, на голове высился тюрбан из махрового полотенца, а на ушах болтались Наташины клипсы. В другое время ей бы наверняка попало за то, что хватает украшения, но сейчас было не до воспитательных мер. Наташа быстро цапнула с блюда парочку «хворостинок» и стала одновременно жевать и говорить.

– Иди руки помой, – остановила мама, – потом все расскажешь. Тебя в комнате ждут.

Втроем они двинулись обратно по тому же пути, мимо сундука, стеллажа, велосипедов и незатопленного камина. Ирка шла позади и мамин халат волочился по полу.

– Ну что ты не спросишь, в кого я сегодня играю? – обиженно обратилась она к старшей сестре.

– Я тебя другое спрошу: ты уроки сделала?

– Ну-у... – заныла Ирка.

– Ладно, – смиловилась Наташа, которая безумно любила младшую сестренку, – кто ты у нас сегодня?

– Шамаханская царица!

– Поэтому ты с банным полотенцем на голове?

– Это чалма!

– Тогда другое дело, – одобрила Наташа.

Вошли в комнату, где за круглым столом сидела вся семья с чашками наготове. Помимо папы и бабушки с дедушкой присутствовал и вечный Наташин поклонник, Роман. Он, как всегда, читал какую-то книгу и даже головы не поднял. Такие вот были ухаживания! Каждый вечер он приходил и читал. Бывали, конечно, и другие варианты – походы в театр, в филармонию, даже к общим друзьям. Роману прощалось все за его интеллект, высокую эрудицию и постоянство.

– Мама, мне нужно кое-что рассказать, – зашипела Наташа.

– Потом, – так же, не раскрывая рта, ответила мама, – ты сама видишь...

И только когда попили чаю, уложили Ирку и проводили Романа, наступило время для частных бесед. Надо было уединиться, поскольку все Наташины новости были строго конфиденциальны и предназначались только для маминых ушей. Пришлось опять шествовать в кухню, так как в большой комнате папа смотрел телевизор, а в маленькой бабушка с дедушкой уже легли спать. Слава богу, все соседки распознали по своим норам, и даже Попиха не мелькала.

Пока мама мыла посуду, Наташа, задыхаясь от восторга, рассказывала, как была на вечере встречи выпускников в Авиационном институте.

– А ты разве выпускница ЛИАПа? – поинтересовалась мама.

– Не иронизируй, меня туда Валька Каптелинина пригласила. Мам, я о другом!

– Во-первых, твоя Каптелинина еще не закончила свое обучение, и вряд ли закончит. Во-вторых, тогда с «другого» и начинай.

– Я с необыкновенным мальчиком познакомилась! Он такой умный, такой красивый, такой взрослый!

– Не тараторь. Что значит «взрослый»? Ему лет сорок, что ли?

– Ну ты даешь! Ему двадцать шесть. Ой, мама, он сирота... В общем, я его к нам пригласила.

Мама присела возле окна.

– Для чего? Чтоб мы его усыновили?

– Ничего ты не понимаешь, – обиделась Наташа. – Может быть, я за него замуж выйду.

– Он тебе в первый же день предложение сделал? – насторожилась мама.

– Нет, конечно, но я так влюбилась! Сразу! С первого взгляда!

– Лекарство от любви с первого взгляда – внимательный второй, – рассудительно сказала мама. – А то, что пригласила, хорошо. Но куда я твоего Романа дену?

– М-да, проблема, – согласилась дочь, – Ромка каждый день ходит... Может сказать, что я заболела?

– Не будь душой. Он придет тебя навещать и наткнется на соперника. Ты этого хочешь?

– Тогда думать надо.

– Знаешь, Наташка, ты этого своего сироту приглашай. А придет Роман или не придет, посмотрим: «будет день – будет пища».

Предмет обожания появился через неделю, был зван на пироги с капустой – так, во всяком случае, объяснила ему Наташа. Всех обворожил с первой минуты – пришел с цветами и для мамы, и для бабушки, с мужчинами беседовал исключительно о международном положении и техническом прогрессе в СССР. Уделил внимание даже Ирке, которая в этот день играла в солдатку, проводившую мужа на фронт (она всегда придумывала себе какие-то непостижимые развлечения), нарисовав ей вполне профессионально говорящую голову из «Руслана и Людмилы», поскольку именно эту поэму Ирка на данный момент читала.

Роман появился чуть позже, познакомился с гостем и, как обычно, сел читать. Никаких эксцессов!

С того дня молодой человек по имени Володя Ханин стал бывать в доме регулярно. Много и интересно рассказывал о себе. Да, сирота. Да, родители похоронены на Красненьком кладбище. Да, закончил ЛИАП и сейчас работает в «почтовом ящике» по специальности и состоит членом авиаклуба. Особенное внимание уделял своей домохозяйке: он снимал комнату в квартире мадам Ландрин, вдовы Георга Ландрин, стоявшего у истоков производства монпансье. Говорил, что старушка очаровательна и говорит на четырех языках, любит его, как родного сына, ибо самой бог детей не послал. Володя же отплачивает ей вниманием, водит по театрам и ресторанам. Дама она, несмотря на возраст, куртуазная, все-таки родилась в Париже, где ее подхватил приехавший из Германии конфетный воротила.

Он пересказывал ее старинные анекдоты и однажды даже спел песенку, услышанную от мадам Ландрин:

*С чем сравню я ваши глазки,
Положительно ни с чем,
Не могу сравнить их даже
С ландриним и монпансьем».*

Голос у него был низкий, бархатный.

Сложно представить, но вся семья млела, слушая Володю Ханина, жалела за сиротство и заочно восхищалась обрусевшей француженкой. Тогда не было интернета, а заглянуть в Большую Советскую Энциклопедию никому и в голову не пришло.

И очень зря, потому что оттуда они бы узнали, что Георг Матвеевич Ландрин (урожденный Федор), родом из Новгородского уезда, где протекает речка Ландра, умер в 1882-м году. Вдова же его, Елена Ивановна, купчиха 1-й гильдии, имевшая отношение к Франции примерно такое же, как Жанна д'Арк к России, до XX века тоже не дотянула.

Новый год Наташа с новообразовавшимся поклонником решили встретить у друзей в складчину – скидывались по десятке. К сожалению, в тот судьбоносный день у молодого человека денег при себе не оказалось и Наташа заплатила за него, сказав с легкостью «потом сочтемся». Она всегда и ко всему относилась легко: характер такой, молодость (всего-то двадцать лет), да еще такая яркая влюбленность. У мамы на душе такой окрыленности не ощущалось, и дело было вовсе не в деньгах. Смущала та непрекращающаяся праздничность и абсолютная положительность, которые осеняли ореолом личность будущего зятя. К тому же, будто в противовес, каждый божий вечер у них сидел Роман. Сидел и читал.

– Знаешь, что, – предложила мама, – вы же там будете танцевать...

– Естественно, – отозвалась Наташа.

– Так он снимет пиджак...

– И?

– И ты потихоньку посмотри, есть ли во внутреннем кармане паспорт.

– Я не буду этого делать! – возмутилась дочь.

– Господи, какие трагедии! Просто посмотришь первые странички...

– Мама, это неприлично!

Разговор шел уже на повышенных тонах.

– Если ты этого не сделаешь, то я попрошу, чтобы Володя предъявил свои документы мне!

Аргумент был железным – пришлось согласиться. И не зря. У мамы, как у Кабанихи, было «сердце-вещун».

Из краснокожей книжицы выяснилось, что великолепному Ханину недавно минуло восемнадцать лет, а учится он в ремеслухе, о чем свидетельствовал штамп. Еще один оттиск указывал на то, что прописан любимец мадам Ландрин на улице Ю. Гагарина. Туда мама с папой после всех этих сногшибательных новостей и отправились.

В приятной трехкомнатной «распашонке» их ждало тоже много интересного: живая мама и отчим – профессор Краснопольский, растивший чудного мальчика с четырех лет. Не было только мадам Ландрин. Получив информацию, родители разбежались: Володины – пить валерьянку к себе на кухню, а Наташины – пить ту же валерьянку, но к себе.

Вечером заглянул на огонек потенциальный зять.

– Володя, я хочу с вами поговорить, – предложила мама и жестом позвала его в маленькую комнату, откуда временно были эвакуированы бабушка с дедом и Ирка.

Задумчивая беседа длилась около часа, потом папа не выдержал и влетел на переговорную территорию, как голубь мира – разве что только без оливковой веточки в зубах. У папы испокон веку было такое амплуа – мама была гораздо жестче и решительней. Глава семейства помахал там крылышками, заодно разогнав пелену сигаретного дыма, и спас юного ремесленника от четвертования (или колесования) – более легкой смерти никто не ожидал. Ханин, выйдя за порог комнаты, встряхнулся.

– Если не ошибаюсь, я должен вам десять рублей, – сказал он с вызовом.

– Должен-должен, – подтвердила мама.

– Через тридцать минут вся сумма будет возмещена!

Он щелкнул каблуками и с гордо поднятой головой удалился – видимо, к мадам Ландрин. Больше его никто не видел.

Роман наконец оторвался от книг и женился на Наташе. Кстати, негодяем оказался первостатейным: уж лучше бы дальше читал.

Дети драматурга Отто

Яша Отто свалился в Ленинград давно, когда еще никто не подозревал, что он станет Санкт-Петербургом. Чем он тут будет заниматься, мальчику было без разницы, просто надоела Пермь с холодами и вечным пластмассовым запахом, тянувшимся от завода, где производили молочные бутылки.

Погода на новом месте проживания тоже не радовала: постоянные дожди и сырость, лето и зима мало чем отличаются друг от друга, – впрочем, так же, как и от осени и весны. Но зато красота вокруг – зашибись, как по музею ходишь... А сочетание воды и камня создает особый колорит таинственности и благородства.

В общем, влюбился Яша в Ленинград, просто благоговел перед ним, и решил остаться навсегда. Но для этого что-то делать надо и жить тоже где-то просто необходимо.

На что жить, он не задумывался: по скромным подсчетам, будет укладываться в те деньги, что родители вышлют. Папа с мамой высылали, но не разбежишься, все гораздо дороже, чем в Перми, а уж если комнату снимать, то и от голода помереть недолго.

Пошел Отто учиться в ПТУ № 17, там за неполных четыре года обещали сделать из него электрика. Работать в ЖЭКе и вкручивать лампочки по подъездам, конечно, не было Яшиной запредельной мечтой, но зато от «путяги» давали общежитие и стипендию. С соучениками он старался не общаться – по прописке такая же лимита, как он сам, а по менталитету сплошь и рядом гопники. А у Яши мысли возвышенные и планы далеко идущие. Пить портвейн он и дома мог, а тут такие возможности... Записался в библиотеку: хотел сразу в Публичную, возле Каткиного сада, но оказалось, что туда только с высшим образованием пускают. Соответственно, появилась генеральная мысль – после ПТУ идти в институт.

Стал после занятий проводить время в библиотеке «им. А. А. Блока», в читальном зале. Книги интересные, люди вокруг интеллигентные, пирожковая «Минутка» рядом. И библиотекарши – одна другой краше. Вот там и пришла ему в голову идея стать драматургом. Писал и тут же выкидывал в корзину для бумаг – самому не нравилось. А когда понравилось, отослал в журнал «Сельский механизатор», потому что пьеса была о комбайнерах, про то, как они урожай с полей убирают и в социалистических соревнованиях участвуют. Яша ни черта ни про комбайны, ни про уборку зерновых не знал, но накатал целых три акта. Своей фамилией подписываться не стал, чтобы не смеялись: абсурд, когда человек с немецкой фамилией пишет про трудовые будни села. Смех-смехом, но пьесу напечатали и даже гонорар заплатили – двадцать пять рублей. Яша сразу купил себе сандалеты и румынскую рубашку в полосочку.

Так началась карьера Отто. Он не стал квалифицированным электриком, но не стал и квалифицированным драматургом, – катал, как по маслу, малоактные произведения о советских рабочих и колхозниках. Триумфального успеха это не имело, но доход приносило.

Яша снял квартиру и даже женился – благо, было на что семью содержать. В Публичную библиотеку его так и не пускали, но всегда было приятно при любом знакомстве хлестануться: дескать, позвольте представиться, драматург Яков Отто.

Молодая жена его фанабериям не препятствовала, но жила своей жизнью – увлекалась йогой и какими-то другими затейливыми учениями, ходила на смутные собрания, даже на семинары ездила в другие города. Он ей тоже не мешал. Только прошло три года, а детей все не было.

– Слушай, может, ты втихую таблетки пьешь?

– Какие таблетки? – удивлялась жена.

– Ну, это... чтоб детей не было.

– При чем тут медикаменты? Просто рано мне.

– А мне в самый раз, – убеждал ее Яша. – Да и ты скоро четвертной разменяешь.

– У меня еще не все уровни пройдены, – туманно отвечала жена.

– Какие уровни?! Ты же не в компьютерные игры играешь!

– Вот именно. Съезжу еще на один семинар, потом подумаю о ребенке.

Яша расстраивался. Жена настолько углубилась в изучение непонятных ему субстанций, что совершенно открыто отлынивала от домашней работы и исполнения супружеских обязанностей. Однако, когда началось очередное укладывание чемодана, согреваемый мыслями о возможных детях, он поинтересовался:

– И куда на этот раз?

Ответ был неожиданным:

– На Гоа.

– А ближе нельзя?

– Нет, дорогой.

И она стала подсчитывать на калькуляторе сумму, которая ей требовалась.

Из Индии жена вернулась только через три месяца, – в шелковых расписных шальварах, с блестящим колечком в ноздре и... беременная.

– Про кольцо, как у бугая, я и спрашивать не буду, – сказал ошарашенный Отто, – а вот животик откуда?

– Ну ты и неблагодарный... – возмутилась жена. – От тебя, естественно. Ты уж определись! А то хочу ребенка, то не хочу...

И пока Яша, загибая пальцы, пытался вычислить свою причастность к этой ситуации, жена сложила объемистый баул.

– Эй, – постучала она его согнутым кулачком по плечу, – ты мне деньги давать собираешься?

– На что?

– Ни на что, а на кого, – на акушера, я рожать обратно на Гоа уезжаю.

– Почему? – глупо поинтересовался Отто.

– По кочану. Там медицина лучше.

Вернулась жена не скоро, но с хорошенькой смуглой девочкой, которая висела у нее, подвязанная расшитым платком, на груди. Последующие несколько месяцев Яша возился с дочкой и покупал детское питание, поскольку кормить дочку грудью жена и не собиралась, а ночами творил.

Завораживающая история с неожиданными беременностями и отъездами на Гоа продолжалась, как страшный многосерийный сон. Девочек было уже две. И один мальчик. Отто исхудал, перестал стричься, а в его глазах посверкивал желтый огонек безумия.

Жена детьми не занималась. Она вообще ничем не занималась. Складывалось впечатление, что свою жизненную схему она определила раз и навсегда: залет – Гоа – ребенка Яше на попечение. Отто был детям и отцом и матерью, кормил, обеспечивал, играл, гулял.

В один из дней, выгуливая малышей на шлейке, как собачонок (не дай бог, разбегутся и потеряются!), он встретил приятеля из Малого драматического театра, где чаще всего ставились его пьесы.

– Ох ты! – изумился актер. – Все твои, что ли?

Отто кивнул.

– Теперь понятно.

– Что тебе понятно?

– Отчего у тебя тематика изменилась, – сказал тот, закуривая. – Да сядь ты, а то твоя свора тебя уронит.

– А детей куда, если я присяду?

– Вот же песочница, пихни их туда, пусть поиграют.

– Песка наедятся, – угрюмо заметил Отто.

– Ты песок пробовал? – поинтересовался приятель.

Яша помотал головой.

– Невкусно же.

– Так и им невкусно. Выпускай.

Актер и драматург аккуратно переместили детей и сели рядом на парковую скамейку.

– А чего так много нарожали? И какие они все темненкие! Ты их в солярий, что ли, водишь?

– На Гоа наш солярий, – грустно проинформировал Яша и коротенько обрисовал ситуацию.

Приятель чуть не поперхнулся дымом.

– Знал я, что ты не в себе, но чтоб до такой степени... Ты сам хоть раз туда съездил? Ты поинтересовался, чем твоя красотка там занимается?

– Вроде, семинары... – вяло сказал Отто.

– Семинары? А позволь узнать, на каком языке? Там на кокани и на маратхи разговаривают.

– Может, на английском? – с тоской поинтересовался многодетный отец.

– Твоя жена так хорошо английский знает?

– Совсем не знает, – признался Яша, – только русский.

– Потряси ее как следует, мой тебе совет. А то фантазии какие! Прямо не родить ей тут, Гоа подавай... Может, и забеременеть только на Гоа получается?

Яша пожал плечами. Про себя же решил, что придет домой и поставит вопрос ребром. Но дома надо было сначала отмывать детей, потом кормить их обедом, затем укладывать спать. А вечером жена сообщила, что снова ждет ребенка – мол, дай денег, опять лечу в Индию. Задуманный скандал не состоялся.

В этот раз она вернулась одна, без ребенка, но с солидным животиком.

– Здесь рожать будешь? – спросил Отто безо всякого интереса.

– Там. Я за детьми приехала.

– Как же ты с такой оравой одна на чужбине? – посочувствовал он.

– Господи, да глаза хоть открой! – и жена указала на свой лоб. Над переносицей было яркое пятнышко величиной с копейку.

– Испачкалась? – Отто близоруко сощурил глаза.

– Идиот, – сказала жена без всякой злости. – Это бинди, знак моего семейного положения.

Он на мне наконец женился.

– Кто?

– Отец моих детей!

– А я тогда кто?

– Ну... считай, тоже отец, будешь нам алименты платить. Да не расстраивайся, только до совершеннолетия! – добавила она, хлопнув его по плечу.

Джентльмены живут только в Англии

Анна Михайловна с детства любила читать. Читала все, что попадалось под руку, – детские книги, взрослые книги, журналы, газеты, классику и бульварную литературу. В памяти застревало все, потому что память была не избирательной, а как помойка. Под таким вот грузом и сформировались ее убеждения относительно всех жизненных вопросов. На платформе убеждений взросло кредо. Покуда кредо было еще хлипким, Анна Михайловна вышла замуж за обычного русского парня Федора, который трудился каменотесом на Охтинском кладбище.

Работал Федор много, а получал очень много. Беззаботная в финансовом отношении жизнь оставляла девушке Ане простор для размышлений. Размышления складывались не в пользу мужа.

«Простецкий мужик, – думала она. – Где бы найти джентльмена?»

Но все джентльмены жили в Великобритании, Анна Михайловна твердо знала это из романов Шарлоты Бронте, Уилки Коллинза и Джона Голсуорси. То, что они женятся на мисс или леди, Анне даже не приходило в голову, то есть она допускала такую мысль, но охотничий инстинкт все равно брал верх. И молодая искательница приключений занялась розыскной деятельностью.

Подбираться к джентльменам она решила издалека. Исходным пунктом выбрала Латвию, поскольку в советские времена маленькая аграрная страна входила в состав Прибалтийских республик, олицетворявших некое подобие заграницы. Стала туда ездить на выходные дни – очень удобно. Поезд до Риги всего одну ночь, а днем можно погулять среди готических зданий по узким улочкам и даже посидеть в кафе. В качестве оправдания своих частых отлучек привозила Федору дешевые водолазки, а себе колготки. Когда количество водолазок перевалило за сорок, Анна познакомилась в кафе с голубоглазым Вилисом. Дело побежало с невероятным ускорением, и уже через месяц Федор остался один с водолазками и памятниками, которые тесал.

Получив от нового мужа фамилию Паукшта, Анна переехала в поселок Акнисте и стала учиться кормить гусей и пасти коз. Совершенно неожиданный камуфлет для девушки, мечтавшей о родовых замках и светских раутах! Денег Вилис ей не давал, но регулярно выводил на деревенские танцы.

Таким образом, за два года от брака с Вилисом у нее появилось два прибýtка, ровно по одному в год: умение строчить на машинке и дочка Агния. С этими ценными приобретениями Анна Михайловна и свалилась на голову Федора. Тот принял и даже не посетовал. Теперь все, казалось бы, хорошо устроилось, но мысли о джентльменах никуда не подевались, они даже удвоились. Джентльменов требовалось уже два – для самой Анны и для Агнии.

Отстрадавший свое Федор вынес еще пять лет и ушел к девушке попроще, без фантазий. Правда, алименты на дочь платил исправно, хоть по закону не имел к ней никакого отношения. Анна устроилась работать в местный ЗАГС регистратором, опять не подозревая о том, что джентльмены не заключают браков и не разводятся на Октябрьской набережной.

Жизнь текла буднично: дочь училась, мать ждала англичанина, страна разваливалась. Зато появились брачные агентства, чем Анна Михайловна и поспешила воспользоваться. Переписку она завела обширную, но многотрудную, ибо языков не знала никаких. С пачками писем она бегала по подругам, которые с пятого на десятое переводили сведения о финансовом положении кандидатов. Ни одного признания в любви! Это угнетало и расстраивало. Интересовались возрастом, здоровьем, количеством родственников, а один даже попросил выслать справку сразу из двух диспансеров – психо-неврологического и кожно-венерического.

Тогда Анна Михайловна решила взяться за дело с другого конца и сначала выдать замуж дочку. Тем более что алименты от Федора перестали приходить, а с Вилиса, кроме кур и гусей,

взять было нечего, да и тех через границу не пропустили бы – Латвия отделилась и стала суверенным государством. Агния сразу послала мать к черту, но в деликатной форме, и вышла замуж за однокурсника, с которым училась в финансово-экономической институте. И вдруг! Все в этой жизни бывает вдруг, особенно в нашем отечестве, – и хорошее, и плохое, и зима, и лето.

Мужа Агнии послали учиться в Германию. Выиграл он то ли какую-то универсиаду, то ли олимпиаду. В немецкой земле, в городе Берлине, мальчик успешно доучился и стал работать представителем фирмы Siemens Aktiengesellschaft. Теперь Анна Михайловна созванивалась со счастливыми детьми и продолжала поиски через брачные агентства, но уже с помощью компьютера.

Обратило на себя внимание письмо из Манчестера от некоего Энтони Филдса. Он писал, что владеет двумя доходными домами и собственной квартирой, окончил Принстонский университет, вдовее уже около десяти лет. Мечтой мистера Филдса было жениться на русской красавице. Будущую супругу уже ждут два шкафа, набитые платьями и шубами.

Какая из женщин не считает себя красавицей! Анна Михайловна сразу же помчалась в фотоателье к Московскому вокзалу. Она уже знала, что именно там ее уже несколько поплывшую физиономию отретушируют, как надо.

Отправив снимок и письмо с уверениями в своей готовности, она стала ждать. Ждать и мечтать. В грезах Анны Михайловны всплывали Итон и Оксфорд... Ее нисколько не смущало, что графство Большой Манчестер и Виндзор расположены в разных концах туманного Альбиона, ведь ни у Голсуорси, ни у Шарлоты Бронте об этом не упоминалось. Да и какая разница, если настоящий джентльмен почти у нее в кармане!

О том, что Манчестер является обыкновенным промышленным городом с плохими климатическими условиями, в телефонном разговоре с дочерью по прибытии в Англию Анна Михайловна упомянула вскользь, а о том, что доходные дома – это дома престарелых, и вовсе не сообщила. Не стала она рассказывать и об огромных шкафах, заполненных секонд-хендом. Запах дезинфекции от «обновок» преследовал ее даже во время бракосочетания, которое проходило в многофункциональном Центре искусств – галерее Лоури, где по стенам были развешаны картины бывшего хозяина и основателя, почившего в бозе в далеком 1976 году. Свадебный обед проходил там же, среди полотен со схематичным изображением рек, кустов и людских толп.

Ближе к вечеру Энтони Филдс так же схематично выполнил свой супружеский долг, а на утро отправил «счастливую» новобрачную по месту ее новой работы – убирать дома престарелых.

К тому времени, когда Анна Михайловна осознала всю безнадежность положения, что-либо изменить уже было невозможно: ее совсем не золотая клетка была заперта. Из дома она не выходила. «Зачем?» – спрашивал муж. Действительно незачем. Продукты привозились из общей со стариками кухни (кормили совсем неплохо), нарядов из секонд-хенда хватило бы еще на одну жизнь, на работу можно было ходить по коридору (квартира располагалась внутри одного из приютов), развлечения не предполагались из-за изматывающей усталости. Если бы Анна даже решилась рассказать дочери о своей «блистательной» жизни, то не смогла бы, – мистер Филдс снял телефон.

Через год ее разыскали дети, которых обеспокоило долгое молчание, ведь из Великобритании не было ни звонков, ни писем. Когда за Анной Михайловной приехали из посольства, муж не чинил никаких препятствий, а сразу выдворил ее из дома.

Иначе и быть не могло: ведь он настоящий английский джентльмен!

Диверсия

Окружающие всегда удивлялись тому, какие мы с сестренкой разные. «Надо же, – говорили они, – девочки из одной семьи, но так не похожи!». Гнусные инсинуации. Одинаковы мы с Наташкой почти во всем, кроме двух пунктов, – это любовь к точным наукам и нелюбовь к животным.

Аттестаты наши никто не сравнивал и сравнивать не будет, а то, что у нее дом вечно полон разной твари, меня тоже мало интересует. То Наташка приволочет помойную кошку, которая объедает кактусы, то заведет канареек, которые в полете гадят гостям на головы, но это ее личное дело, поскольку она живет отдельно от нас.

Нежность к домашним тварям моя сестрица привила и своей дочери, так же, как я в своей подобное чувство пресекала. Сходим в зоопарк, сделает она там «козу» бегемоту или волку, состроит рожу обезьянам, – и хорош, вполне достаточно, на мой взгляд.

Но тут приходит моя племянница десяти лет от роду и манит меня пальчиком, – дескать, иди сюда.

– Исечка, – шепчет она умоляюще, – возьми его себе! – И растопыривает перед моим носом ладошку, на которой торжественно восседает толстый хомяк палевого цвета.

– Нет, – говорю я, – мы же в конце недели на Кавказ уезжаем.

И я не вру. Впервые собрались в отпуск вместе с ребенком. Что ж, я этого грызуна делегирую маме с папой? Племяшку, правда, жалко, уж больно у нее горестный вид.

– А зачем ты его мне отдаешь? – проявляю я бдительность.

– У нас его кошка может съесть.

– Очередная кошка?

Она грустно кивает кудрявой головой.

– Знаешь, давай приноси этого зверя, когда мы вернемся.

Племянница осталась довольна моим опрометчивым, как впоследствии выяснилось, обещанием, а я и вовсе про это забыла. Месяц мы загорали и купались в поселке Бетта неподалеку от Геленджика, и я была приблизительно счастлива, чего не скажешь о муже. Ему приходилось бегать за дочкой, чтобы она поела, не сгорела на солнце или не утонула, а еще и отлавливать по всему побережью, когда ей приходила охота ловить крабов или ехать в Геленджик с посторонними людьми. Дома такими вещами ему заниматься как-то не приходилось.

Когда мы вернулись в Ленинград, золотой ребенок моей сестры уже поджидал нас в компании хомячка.

– Исечка, ты хотела его забрать...

– Не то чтобы я хотела, – честно призналась я, – просто ты боялась, что его кошка съест. Не съела ведь?

– Тут другое произошло.

– Что именно? Кошка подавилась или побрезговала? Или хомяк теперь на кошку покушается?

Она помотала головой.

– Да нет, в твоё отсутствие хомяк родил шестерых хомячат.

Я чуть не спросила, от кого, но вовремя вспомнила, что беседую с ребенком, поэтому поинтересовалась, где сейчас весь этот выводок находится.

– Он их съел.

– Ну, во-первых, твой хомяк не «он», а «она», коли уж детей рождает. А во-вторых... Как это съела?!

– У них бывает, – сказала умудренная жизнью племяшка.

Я ничего из этой душераздирающей истории про каннибализм не поняла, кроме одного: обещала – держи слово. Приняла клетку, выслушала инструктаж и стала придумывать имя этой подлой, но красивой твари. Назвала ее Магдой в честь Магды Геббельс и пошла демонстрировать «прибыток в семье» своим домашним. Дочка тут же обрадовалась и заюлила, папа с мужем безглаголиво пожали плечами, а мама твердо выразила свою позицию:

– Жить с детоубийцей в одном доме я не буду. Неси, куда хочешь.

Я подумала и на следующее утро отнесла хомяка в детский садик, который посещала моя дочь. Через неделю воспитательница, выдавая мне ребенка, вынесла и клетку.

– Заберите Христа ради, он мне всех детей перекусал!

Пришлось уступить, хотя я еще что-то там лепетала, типа «не подпускали бы», «за детьми следить надо» и пр.

Домой шли вместе еще с одной мамашкой и ее девочкой. По дороге они стали упрашивать меня, чтобы Магда пожила у них пару дней. Вот она, удача! И заодно притча, как надо делать добро ближнему.

Когда через полтора месяца у меня валялись в ногах, только бы я забрала зверушку обратно, я с удивлением поинтересовалась, что такое могло произойти, что хомяк им не сгодился. Оказалось, что животное подгрызло прутья клетки и убежало. Ловили его более суток всей семьей. Больше всех, я так понимаю, была «рада» бывшая свекровь, которая жила с ними в одной квартире. Отловили, поместили в трехлитровую банку вместе с камнями (аксессуар, видимо, у хомяков такой), которые оставались в изодранной клетке. После этого спать в доме уже не мог никто. Фомка, так теперь звали эту тварь, с грохотом перебирал свои булыжники и с жуткой регулярностью раскачивал стеклянное жилище, после чего банка падала и катилась по коридору.

Я проявила сострадание, выразила соболезнования и не заходя домой отправилась к друзьям. Плюсы в моем решении были явные: у них ребенок на год старше моей дочери – это раз, у ребенка скоро день рождения – это два, животных они обожают – три, о подлости и развратности хомяка ничего не знают – это четыре.

Был час пик, и мне еле-еле удалось зацепиться за подножку автобуса. Вишу я почти в воздухе, держаться не за что. Банка с хомяком, по закону подлости, переворачивается, и я с ужасом вижу, что эта мохнатая подлюка сидит на плече у впереди висящего, как и я, мужика и даже, кажется, ухмыляется. Я так аккуратненька его пальчиком поманила – «Фомка!». Он мой голос, как слышал, так и помчался удирать по спинам пассажиров. Люди визжат – «Мыши! Мыши!», – толпа взрывается, но все-таки пытается выяснить, откуда в автобусе № 22 грызуны. Я молчу и только прикидываю, то ли меня сейчас столкнут на ходу, то ли линчуют как распространителя заразы. Уж не знаю, что лучше.

Через две остановки выяснили, откуда тварь и кому она принадлежит. Я даже не поверила, когда меня усадили и банку с хомяком заботливо вручили. Правда, не взирая на час пик в радиусе метра от меня не было ни одного человека.

Друзья подарку обрадовались, а ребенок так просто зашелся от восторга. Два месяца хомяк жил у них в серванте, где на свободной полке ему соорудили подобие джунглей, висел на лианах, качался на качелях, объедал экзотические цветы... Пока его не сожрал сиамский кот Тау.

Домкратов меч

«Я крепкий парень, я все выдержу!» – каждый раз говорила себе Маргарита, попадая в безвыходные положения. Неважно, что она обращалась к себе в мужском лице, просто эта фраза запомнилась и полюбилась ей с детства, когда они с родителями смотрели какой-то художественный фильм по телевизору. Как называлась кинолента и ее содержание Маргарита не помнила, – наверное, что-нибудь про шахтеров или лесорубов, и обязательно с участием Николая Рыбникова. Это было его амплуа.

В школе убеждение, что она «крепкий парень и все выдержит», помогало ей справляться с ненавистным черчением или успокаивало, если вызывали к директору за очередной прогул. В институте же заветная фраза пришла в голову только тогда, когда она увидела Леньку Голубицкого. Ах, как он был хорош! Яркий блондин с синими глазами, накачанной фигурой, в нафарцованных джинсах и кожаной куртке... И говорил он с некоторой ленцой в голосе, чуть растягивая слова... Все девчонки прям-таки одуревали от него.

Рита попробовала присоединиться к рою дыхательниц, но оказалась лишней. Что-то в ней было не так, а что именно, она понять не могла. Даже курить начала, чтобы казаться девушкой эмансипированной и быть поближе.

Про себя она называла Голубицкого «предметом», так же он значился в ее дневнике, который она вела еще с девятого класса. Давным-давно родители рассказывали, что смотрели в театре водевиль, где мама учила дочку строить глазки мужчинам по схеме «в угол-на нос-на предмет». Но Ритин «предмет» упорно не обращал на нее внимания. Она охотно сама предлагала ему списывать контрольные и курсовые, делилась шпаргалками и даже поехала в колхоз, – чтоб он сгорел со своими комарами и сурепкой!

Дома Маргарита подолгу разглядывала себя перед трельяжем, и так повернется, и эдак – вроде все на месте, а ему не нужна. Плакала, страдала, а потом решила, что прогигаться и бегать за своим «предметом» унизительно: я крепкий парень, я все выдержу! Хватит изображать из себя некий триумvirат, помесь бедной Лизы, Анны Карениной и Лизы из «Пиковой дамы»!

И она стала жить своей жизнью, где не было места Голубицкому. Только вот курить не бросила. Оказалось, достаточно только одного семестра, чтобы уязвленный красавчик стал ходить за ней по пятам. То «пойдем в кино», то «я билеты на итальянцев достал», то «я жду тебя в мороженице»... Рита не реагировала, помня о том, что она «крепкий парень и все выдержит».

На последнем курсе все-таки снизошла и они поженились: многолюдная свадьба в «Метрополе», море цветов, несмотря на декабрь месяц, тяжеленное кольцо с россыпью бриллиантов. Через три года родился сын, то есть было все – живи и радуйся! Они и радовались, только по разные стороны баррикады, ибо Леня начал пить. Сначала Рита не замечала (или делала вид, что не замечает), потому что была занята ребенком, потом ей все это пьянство казалось безобидным, – «ведь не алкоголизм, скоро бросит».

В тот год, когда сын пошел в школу, не обращать внимания на очевидное уже было невозможно. Спасла любимая приговорочка: я крепкий парень... Но одно дело с такими бодрыми убеждениями лес валить и уголь на гора выдавать, как это делал актер Рыбников, а другое – бегать по экстрасенсам и наркологическим клиникам.

В итоге устроила она Ленечку на 15-ю линию – место известное и вовсе не зазорное. Там, как правило, обретались люди не последнего разбора и по самым романтическим причинам: восстанавливались после жестоких измен, отдыхали от эмоционально-тяжелой работы или косили от армии, а то и вовсе сбрасывали лишний вес. Хорошая еда, прекрасный сад и эффективные лекарства, от которых не было никакого толку, так как вечерами больных пус-

кали в свободное плавание. Предоставленные сами себе, пациенты наверстывали упущенное: наедались от пуза, напивались до положения риз, обзаводились любовниками и любовницами.

Проникнув в эти коллизии через знакомого медика Рита в срочном порядке эвакуировала мужа домой, не забыв подмазать руководство клиники неврозов, дабы в больничном листе не маячил позорным клеймом штамп и диагноз.

Подсчитав запасы денег и терпения она впала в тихое помешательство, но напомнив себе про крепкого парня и выдержку, позвонила своей парикмахерше. Та давным-давно рассказывала про то, как избавляла от алкогольной зависимости то ли брата, то ли зятя. Советчица «на голубом глазу» клялась, что от напасти они избавились, увезя пропойцу в таинственную Назию. Начался сбор информации об этом заколдованном месте.

Информация не радовала – она приводила в ужас. Оказалось, что дивный населенный пункт с красивым названием является поселком городского типа в Кировском районе Ленинградской области и образован в 1927 году по плану ГОЭЛРО для торфоразработок. Рита решила не пугаться и оставив сына родителям собрала чемоданы и с мужем под мышкой отправилась за 80 километров от города Ленинграда. Наличности в кошельке было ровно столько, сколько ей заплатили за проданную квартиру. Сидя за рулем, она повторяла сквозь стиснутые зубы: «Я крепкий парень, я все выдержу!»

Ленечка спал, как ангел, наполняя салон перегаром. Дорога производила странное впечатление, не было ни одного здания, только убогие деревянные дома и народу никого... Даже не спросить, правильно ли она движется. Появился единственный мужичонка с тележкой – сам в драном ватнике, а на тележке огромные бидоны. Маргарита обратилась к нему, приспустив стекло, но он только ухмыльнулся беззубым ртом и произнес: «В Русскую Америку не ездют». Ничего не поняв из этой фразы Рита решила про себя, что это местный юродивый. Однако когда они прибыли по месту назначения, стала очень скоро объяснима и эта фраза, и то, каким образом в волшебной стране Назии лечатся от пагубных пристрастий.

Здесь не было ни магазинов, ни аптек, ни нормального жилья. Пахло гарью и заболоченностью. Перетащив Голубицкого на первую же увиденную покосившуюся лавку, Рита присела рядом. Подошедшая к ней старушка тоже была в телогрейке и без зубов, как давешний прохожий. Рита, в своем кардигане и найковских кроссовках, почувствовала себя неуютно, но выбора не оставалось.

– Здравствуйте, бабушка! – сказала она. – Не подскажете, можно ли здесь домик снять?

Старушка мелко, дребезжаще рассмеялась.

– А живи где хочешь, у нас места свободного много.

– Но кому заплатить? – удивилась Рита.

– Не нужны твои деньги, – парировала странная женщина, – если только продукты какие. Маргарита потрясла головой, отгоняя тошноту и дурные предчувствия.

– Муж, что ли? – продолжала старушка.

– Муж.

– Давай помогу его складировать, а потом поговорим.

Голубицкий, как уж, вывернулся из-под Ритиной руки и вполне светским тоном осведомился, куда это его завезли. Сам прошел в немыслимый домишко и опять уснул. Местная бабушка примостилась на лавочку и завела беседу.

– Ты ехала-то куда?

– Туда, куда и приехала, – сухо ответила Рита, – в Назию.

Собеседница опять издала противный смешок.

– Назия чуть левее, а у нас – Русская Америка. Чего глаза вылупила? Американцы мы!

От этого абсурда Маргарите стало страшно. Чахлая деревня, пьяный муж, сумасшедшая старуха... И обратно пути уже нет... Зачем она продала квартиру? Здесь деньги не нужны.

И как будто в ответ на ее мысли баба-яга стала рассказывать:

– Сюда все ране ехали, зазывали нас, лозунги всякие, обещания, мол, ты как есть комсомолка, так обязана, а мы тебе за это ордена на грудь, деньги в карман. Я вот тоже сдуру и приперлась, думала, буду работать, ведь у себя в Калуге официанткой была.

– А обратно в Калугу? – машинально поинтересовалась Рита.

– Иии-х! – бабка всплеснула руками. – Кто меня там ждет? Комнату отдала, деньги расфуфырила. А тут только узкоколейка и маленькие поселочки. Торф скоро закончился, возить нечего, жить не на что, да и саму узкоколейку скоро снесут, вся бурьяном заросла.

– А американцы у вас откуда?

– Были янки проклятые, были, да сплыли еще в 30-х, как только водонапорная башня взорвалась. Кому охота без воды здесь сидеть?

– Но вы-то сидите, – удивилась Рита.

– Во-первых, мы привыкшие, а во-вторых, про нас, считай, уж все забыли. Объединили пять поселочков по пять домов, назвали «Русской Америкой» – и живи себе! Ехала ты, девонька, в Назию, а приехала на станцию Жихарево.

– А Назия где? – глупо спросила вконец обалдевшая Рита.

– Я ж говорю, левее! Там, где дом призрения. Нас здесь всего 141 человек остался, а кому свезло, те там живут. – И вдруг запела: – «Ленинградская кукушка ходит задом наперед, кто на Назии побудет, десять лет не проживет!»

Маргарита чуть отодвинулась.

– А вы куда-нибудь жаловались, писали?

– Ну писали, только давно. А что толку? Это наш Домкратов меч.

– Кто?!

– Не кто, а что, – поучительным тоном поправила бывшая официантка из Калуги, – царь такой был, а над ним меч его висел. Домкратом звали.

– А-а... – с облегчением сказала Рита и засмеялась.

Встала и пошла к избушке-развалюшке.

– Ты куда, девонька? – встрепенулась баба-яга.

– Мужа забирать.

– Так он же пьет, не просохнет...

– Ну так что ж? – Маргарита беспечно махнула рукой. – Это мой Домкратов меч...

Дурная слава

Сева еще не привык, что его величают по имени-отчеству, но все равно всячески пыжился: отрастил бородку, говорил вальяжно и растянуто, представлялся не иначе как «режиссер Бурмистров». Народ не вникал, режиссер чего он, сейчас развелось столько маленьких театров и антреприз, что и не упомнишь. Так что верили на слово. Тем более, окружающим было откровенно наплевать, кем он представляется. Сева при любом, даже мало-мальски невинном знакомстве, делал значимую морду, и все также значительно кивали.

Театральным режиссером он, конечно, не был – не выслужился, а вот в кино Севу принимали как нечто само собой разумеющееся. Начал он с помощника осветителя и стал быстро продвигаться, пока не взмыл до помощника режиссера. Ну, а там уже и до режиссера-постановщика недалеко. Все решили, что начнет молодое дарование, как и любой дебютант, с классики. Однако Бурмистрова терзали философические размышления не последнего разбора.

Безусловно, тянуло в какие-то мистические дали, – например, поставить «Мастера и Маргариту». Он пересмотрел и передумал все имеющиеся версии, вплоть до венгерской бредятины, и понял, что достигнет большего, возьмись он за Булгакова. Останавливало одно: за постановками шедевра тянулась дурная слава. То бюджет урезали, то на полку задвигали, то артисты начинали сильно и внезапно болеть... Однажды он слышал в курилке, что съемки у Бортко даже имели непосредственное отношение к кончине Александра Абдулова.

Начинать с заранее приговоренного проекта ему совсем не хотелось.

Сева помыкался среди сценаристов, но ничего завораживающего для себя не нашел. Долго думал и наконец решил, что будет снимать сказку. Причем, поставит ее, как великий Роу, то есть без всяких там интернетовских штучек, на подручном материале. Только волшебства и превращений надо поменьше. Главное, сценария особого не требовалось, народ все уже сам придумал. Сева мысленно отмел Перро, Андерсена, братьев Гримм, а заодно и Астрид Линдгрен. Выбрал «Колобка».

Актеры, правда, не разбежались участвовать в его задумке, но Бурмистров и тут исхитрился, набрал ребят из ТЮЗа. Единственное, кого удалось подтянуть, так это Новых русских бабок: оба парня купились на новизну и халяву. Съемки начали летом, чтобы центральному герою не пришлось шастать по сугробам, когда будет от бабушки с бабушкой убегать. Итак, не предвидя ничего плохого Сева принялся за работу.

Самое начало. Бабушка с дедушкой по сусекам поскребли и начали месить тесто для Колобка. Но парни-то они не слабые, эти Новые русские бабки, – пока месили, намяли щуплomu мальчику из ТЮЗа бока так, что тот взвыл и на неделю взял больничный. Хамство за пределами! Бурмистров сам ездил к нему домой, уговаривал не срывать график, но все равно три солнечных дня выпали.

Вернулся мальчик под честное слово режиссера, и снова стали месить. При особо удачном жесте «деда» мальчик-актер вывернулся и заехал «бабке» ногой в челюсть с криком «Фашисты!» Мужик, игравший бабуку, потребовал две недели с содержанием и оплаты протезиста. Сева юлил, мелко кланялся и упирал на реалистичность образа старой крестьянки без двух зубов. Ему пошли навстречу с условием предоставления дантиста после съемок. Слепили Колобка. Тот полежал немного на подоконнике, свалился и постанывая покатился по тропинке навстречу своим приключениям. Новые русские бабки с облегчением закурили.

Первым по сценарию должен был встретиться Заяц – очаровательная травести из того же ТЮЗа. Но как только сказочные персонажи оказались нос к носу, то отскочили друг от друга, словно ужаленные.

– В чем дело?! – заорал режиссер.

– Какой это, к черту, заяц! – завопил Колобок. – Где у нее уши?

Бурмистров пригляделся: ушей, и правда, не было.

– Где? – строго спросил он.

– Да вот же, вот! – девушка подпрыгивала и оттягивала мохнатыми ручками элегантные маленькие ушки от висков.

Сева вместе с Колобком пригляделись и хором поинтересовались, где она такую прелесть раздобыла.

– В костюмерной. Это ушки норки. Они более симпатичные и в глаза не лезут.

– Заяц не может быть с норкиными ушами, – авторитетно заявил Сева.

– Ну и что? – сказала наглая травести. – А с заячьими я к третьему дублю окосею!

Сева от ужаса закрыл лицо руками.

– Ты и должна быть косой! А третьего дубля не будет, с первого надо снимать. Чего ты от него отпрыгивала? Колобка твои уши напугали, но у него-то ушей нет!

– Ушей нет, но посмотрите, какой он величины... Под него попасть, что под самосвал!

Бурмистров пригляделся.

– М-да... придется заново месить и лепить...

На перезамешивание Колобка тащили с помощью одного грузчика и двух гримеров. По дороге он жалобно подвывал – болели ребра. Новые русские бабки уже успели не только покурить, поэтому взялись за работу весело и с энтузиазмом. Зайцу за это время присобачили нормальные уши – нужного цвета и требуемой длины. Рандеву прошло нормально. Правда, Колобок злобно ругался нецензурными словами, но это до озвучки не имело никакого значения.

Следующим предполагался Волк, его на площадке не нашли: за время инцидента он успел куда-то свинтить. Сева миролюбиво сказал «Черт с ним!», и Волка заменили на Ежа.

Под палящим солнцем, когда глазурь на правом боку уже стала подтаивать, Колобок весело катился по дорожке, но за два метра до Ежика наткнулся на муравьиную кучу и перелетев через нее рухнул прямо на иголки. Вопли обоих потрясли лес и съемочную группу. Сева, понимая что сейчас могут и морду набить, дрожащим голосом предложил Ежу перевернуться на спину.

– Вот это уж фиг! – отреагировал примятый Еж и ушел за темнеющие деревья.

Режиссер, обескураженный тем, как складывается первый день, все же не отступал. Сообщив всем, что работа продолжится до заката, он объявил перекур, а сам пошел на поиски сбежавшего. Колобок покатился за ним, как ручной. Через двадцать минут Еж обнаружился на недалеко раскинувшейся полянке. Вместе с Волком они приговаривали бутылку водки, сидя прямо на траве.

– Вот и закуска! – обрадовался Серый.

– Не по сценарию, – обиделся Колобок, но не ушел, а прислонился к осинке.

– Вернитесь, – умоляюще сказал Сева, – сейчас еще Медведь, а потом и до финала недалеко.

– Медведя я уже не выдержу! – встрял измученный Колобок.

– Да не тушуйся, – пожалел его Ежик, – Медведя уже не найти, спит он.

– Где спит? – ошалело спросил Бурмистров.

– Не в берлоге же, сейчас лето. Дома спит. Он и не приходил сегодня.

– Как?!

– Молча. Он сказал, что в самодеятельности свое отыграл.

– А без него как же? – расстроился Сева.

– Ну хотите, я сейчас свою шкуру сниму и его надену? – сжалился Волк.

– Нет, – твердо ответил Бурмистров, вспомнив, что он здесь главный.

«Без Медведя обойдусь, – подумал он, – и без Волка тоже». А вслух добавил: «Ты лыка не вяжешь».

Волк поднялся во весь свой немаленький рост и одернул клочкастую шкуру, как мундир.

– Какие цирлих-манирлих, господин режиссер! Мне ж не Гамлета читать «быть иль не быть...»! Волк просто обязан быть поддатым, он отрицательный персонаж!

Пока длился этот прочувствованный монолог, Колобок успел выпить водки и закусить, чем бог послал, а именно пучком зеленого лука. Вернулись на площадку все, кроме Ежа. Он решил, что его миссия уже завершена. Пьяный Колобок по-быстрому свалил от пьяного Волка и двинулся навстречу своей гибели – к Лисе.

А та была хороша! С пушистым длинным хвостом, ярко подведенными глазами и в рыжих лайковых перчатках. Отбросив сигарету, искусительница направилась к своей жертве, плавно виляя бедрами, и предложила ему спеть песенку. Но как только Колобок раскрыл рот, она резко повернулась к Севе.

– И я что, должна есть этот помятый кусок теста, от которого за версту разит луком и водкой?!

Она презрительно оттолкнула его ножкой, обутой в туфлю на шпильке, оставив в пыльном боку дырку, опять закурила и отправилась мимо Колобка к гримерке. А он, бедный, покати́лся прямо под ноги Новым русским бабкам.

– Ну вот, а вы плакали... Вернулся я... Никому не нужен...

Камеры так и засняли финал. Получилось не менее трагично, чем в русской народной сказке.

Если что...

Где только не встречаются люди для того, чтобы пообщаться. Мы с девчонками – в бане на Фонарном. Светка всегда говорила, как бы оправдываясь: «Мы нормальные женщины, только в баню ходим четыре раза в неделю».

Это было идеальное место: и попариться, и поболтать, и чаю попить, и массаж сделать. А для меня еще и единственное место, где я иногда пила пиво, которое на дух не переношу. Я брала в руки стакан с пенящимся напитком и чувствовала себя преступницей, проворачивающей какую-то аферу, закусывала красной рыбой и ощущала себя просто чуть ли не ренегаткой, так как я тут вкушаю деликатесы вдали от семейного очага. От этих недозволенностей пиво становилось вкусным, а рыба нежной.

Обсуждали абсолютно все, но были и излюбленные темы. Они включали некоторые нерешенные еще проблемы, которые давно стояли на повестке дня. Например, как выдать замуж Линку – уже давно назревший вопрос, поскольку мы все успели не то что замуж выйти, но и развестись, а она в девках до сих пор.

Честно говоря, карты путал Линкин папа, Иосиф Самуилович. Он вмешивался в жизнь своей дочери и в наши планы, но туда же еще и припутывал Большую хоральную синагогу, которой доверял безгранично, в отличие от нас.

Папа Ося похаживал на Лермонтовский 2 регулярно. Можно сказать, синагога была для него тем же, чем для нас баня – там он получал удовольствие, расслаблялся и общался с друзьями. Единственная, но определяющая разница между баней и синагогой заключалась в том, что при храме состояло некое матримониальное общество, в которое дядя Ося и вписался.

Безумно гордый собою, он пытался устроить личную жизнь единственной дочери, абсолютно не понимая, что дело это гиблое, причем в зародыше. Ни один сколько-нибудь приличный мужик не потащится в церковь, чтоб жениться, туда только ненормальные еврейские мамашки приволакивают на аркане своих неудавшихся деток. Сколько бы там дядя Ося не наводил мостов, Линка ни с одним претендентом так и не встретилась. Вообще было не совсем ясно, кого там Линкин папочка подбирает – Линке мужа или себе зятя.

– Слушай, а вот тот, кажется Сема, тебе позвонил? – терзали мы подругу.

– Угу.

– Ну просил встретиться?

– Просил.

– Линка, говори по-человечески! Что из тебя каждое слово клещами тянуть надо? – возмущались мы. – Встретились?

– Нет, – ее лицо приобретало брезгливое выражение. – Я этому кретину назначила на Гостином, у витража.

– И?

– Он спросил, что такое витраж!

– Да-а... Тут, видать, полная клиника, – сделали мы заключение. – А еще кого-нибудь папа Ося приглядел?

– Приглядел, – сказала Линка с совсем уж скучной физиономией, – я ему там же назначила.

– Что, тоже спросил, что такое витраж? Или поинтересовался, что такое Гостиный двор?

– Да нет. Он сказал, что на нем будет кроличья шапка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.